

Воссоединение

Автор:

[Пола Хокинс](#)

Воссоединение

Эми Сильвер

MustRead – Прочесть всем!

Джен, Эндрю, Лайла, Натали и Дэн. Они были лучшими университетскими друзьями и искренне верили, что их дружба устоит перед любыми ударами судьбы. Но ужасная трагедия изменила их жизни навсегда...

Теперь, семнадцать лет спустя, они вновь собираются в доме Джен во Французских Альпах, где когда-то были так счастливы, – встречаются, еще не зная, что в ночь снежной бури им предстоит посмотреть в лицо своему прошлому. Задаются вопросы. Звучат обвинения. Раскрываются старые тайны. Чем же эта ночь закончится для каждого из них?..

Эми Сильвер

Воссоединение

Посвящается маме, с огромной любовью

Я бы хотела поблагодарить Лиззи Кремер и Джиллиан Холмс за их полезные советы и бесконечное терпение. Благодарю также Гарриет Мур, Летти Смитерс, Глинн Хокинс и Джейми Уилдинг.

© Amy Silver, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Пролог

Воскресенье, 10 марта 1996 г.

Здравствуй, красавица!

Привет из дождливого Корка. Надеюсь, у тебя все в порядке.

Вот захотелось черкнуть тебе несколько слов. После того как я вчера вечером получил твое сообщение, я долго лежал без сна и думал о том, какой я идиот, и как мне повезло, что ты у меня есть, и как я жалею, что заставил тебя плакать. Господи, я так виноват. Прости.

Так вот, прошлой ночью я не мог спать, все думал о том, какая ты была расстроенная, и хотел снова тебе позвонить, хотел услышать твой голос, но боялся, что ты уже спишь и я тебя разбужу. Так что в конце концов я встал и спустился вниз, нашел в кухонном шкафу открытую бутылку «Бушмилс»[1 - Сорт виски. – Здесь и далее примеч. пер.]и выпил все до конца. Предполагаю, что это виски Ронана. Он меня убьет. Вероятно, мне лучше уехать из города, прежде чем он обнаружит пропажу.

Но я отвлекаюсь от темы. Главное, что я сидел там, в темной кухне, и думал о том, сколько счастья ты принесла в мою жизнь.

Я вернулся в постель и все равно не мог уснуть, поэтому стал прокручивать события в голове, от начала до конца – так я иногда думаю. Бывает, я прокручиваю «Крестный отец-2» или весь фильм «Славные парни», сцену за

сценой. Прошлой ночью я думал о нас. О том последнем дне во Французском доме, перед отъездом домой.

Все лето там было восхитительно, а потом, в последний день, угораздило разразиться дождю – с утра зарокотал гром, и небеса разверзлись, и я был уверен, что крыша не выдержит и мы все насквозь вымокнем. Прошлой ночью я думал о том дне и проигрывал его в голове, сцену за сценой.

За ночь вдруг похолодало, и утром мы растопили камин. Дров почти не осталось, поэтому кто-то должен был пойти за ними в сарай под хлещущим дождем, и жребий выпал бедняге Эндрю. А у него было сильное похмелье, помнишь? Единственное, чего ему хотелось, это завалиться обратно в кровать, но Лайла бы этого не допустила, так что он потащился на улицу, и поскользнулся, и упал на обратном пути, и порезал руку, и твердил нам потом про это весь день.

Впрочем, все было отлично, правда? Потому что сосед-фермер, тот ворчливый хмырь, принес нам сосисок и яиц (небось обрадовался, что мы уезжаем), так что мы поджарили большую яичницу и сидели, запивая ее галлонами кофе и болтая ни о чем, потому что делать больше было нечего и все страдали после выпитого. Мы строили планы, уже мечтая о следующем лете, когда снова сюда вернемся. Ревущий в камине огонь, запотевшие стекла, запах сосисок и кофе и стучащий за окном дождь. И ты сидишь рядом и держишь меня за руку под столом, ослепительная, просто роскошная – и это после того, как накануне выпила почти столько же красного вина, сколько сама вешишь, а спала меньше трех часов. Как тебе это удастся? Ты просто колдунья. Должно быть, так.

Господи, как мне не хотелось уезжать. А сейчас я жду не дождусь, чтобы туда вернуться. Ждать осталось уже меньше четырех месяцев.

В какой-то момент (кажется, это было после того, как мы решили, что уже достаточно поздно открывать новую бутылку вина) Нат заявила, что просто не может вернуться в Англию той же самой девчонкой, какой уехала, поэтому потребовала, чтобы Лайла отрезала ей волосы. Помнишь, ты была в ужасе? Ее длинные каштановые волосы кучей лежали на полу, а Лайла орудовала ножницами, словно какая-то зловещая маньячка. А потом она закончила, и Нат выглядела блестяще: крохотный эльф с огромными зелеными глазами. Дэн с Эндрю были потрясены и все пялились на нее, будто никогда прежде не видели.

Наконец дождь закончился, и Дэн заставил всех выйти на улицу, чтобы он мог сфотографировать нас, дом, нас перед домом, нас на фоне каменной стены, нас на фоне долины, на фоне горы, нас, нас, нас. Вы, девушки: ты, Лайла и Натали – позировали у стены, как супермодели, три красавицы, а Эндрю валялся на мокрой траве и стонал по поводу своей больной головы и порезанной руки. У тебя есть эти фотографии? Мне кажется, я никогда их не видел. Хотелось бы получить их, повесить на стену.

Снова пошел дождь. Ты взяла меня за руку и сильно ее сжала – сказала, что кружится голова и ты чувствуешь себя не в своей тарелке, как это бывает у тебя с похмелья, а я ответил, что ты почувствуешь себя лучше, если выпьешь еще. Поэтому мы все пошли в дом и пили красное вино и остатки того жуткого сидра и танцевали под Генсбура и Донну Саммер. Ты помнишь, когда мы пошли в постель в ту ночь, когда улеглись на матрасе в задней комнате, мы были едва живые, животы болели от смеха. (Кстати, я тебе говорил, что у тебя самый прекрасный смех, какой я слышал?)

Это были лучшие дни, верно? Ничего, в сущности, не происходило, ничего особенного. Мы просто ели, и пили, и танцевали, и смеялись, и я никогда не был счастливее.

Я прокрутил тот день в голове минувшей ночью, и когда проснулся сегодня утром, все мои мысли были только о тебе. Я бы хотел всегда помнить, какими мы были в тот день, что мы чувствовали – ты, я и все остальные. Мы должны держаться за это счастье. Говорят, оно не длится бесконечно.

Мама передает привет.

Жду не дождусь, чтобы увидеться с тобой, красавица, хочу тебя до боли.

Вся моя любовь с тобой.

Конор

Часть первая

Глава первая

Декабрь 2012 г.

Когда Джен уже раз в четырнадцатый за этот день поднялась по лестнице, она заметила на одной из каменных ступенек каплю крови. Надо отчистить, подумала она. Позже. Когда закончит подготавливать спальни, когда проверит, что в ваннах нет ни пятнышка, когда раскинет постельные покрывала и сотрет пыль с подоконников, когда убедится, что в кухне и гостиной достаточно сухих дров, когда разместит в вазах цветы. Белые чайные розы для Эндрю и Натали, кроваво-красные орхидеи для Лайлы. За ними она ездила на машине к шикарному флористу аж в Драгиньян, почти два часа туда и обратно. Смешно, наверно, но в то утро это казалось важным. Придать дому дух гостеприимства. Она не могла решить, что купить для Дэна: пионы казались слишком женственными, лилии – похоронными, гвоздики – слишком дешевыми. В конце концов она купила маленький горшок с черными бархатными петуниями, который поставила на письменный стол у окна, того окна, что выходит на заросли деревьев позади дома и поднимающуюся за ними гору.

После покупки цветов она потратила еще триста с лишним евро на яркие покрывала для кроватей и для дивана внизу, на диванные подушки в цветных чехлах с пронзительными африканскими принтами, на темно-красный ковер для гостиной. Это было запредельной глупостью, ведь через пару недель ей придется запаковать все обратно. И что со всем этим делать? Она даже точно не знала, куда после этого поедет. А сейчас, поставив розы на сундук во второй спальне, той, которую предназначила для Эндрю и Натали, она спросила себя, не было ли это все напрасным. Джен стояла у окна, глядя на долину, и ежилась; было три часа дня, и свет за окном почти погас, неумолимо надвигались угольно-серые облака. Внизу было включено радио; прогноз погоды изменился. Плохая погода, которую предсказывали на середину следующей недели, перенеслась на несколько дней раньше, на выходные, но, глядя сейчас на небо, она сочла даже этот прогноз чересчур оптимистичным. Казалось, что вот-вот разразится буря. На земле после случившегося пару дней назад сильного снегопада лежал толстый слой снега, но дороги пока были чистыми. Если буря разразится слишком скоро и выпадет много снега, дорога будет занесена и ее гости никогда сюда не доберутся.

Закончив с цветами, она пошла в ванную, намочила тряпку и вытерла кровь на лестнице. Это она порезала палец, разделявая к обеду бараний бок. Обычное дело, но по какой-то причине ей показалось, что вытирание крови предвещает что-то зловещее. Краем глаза она вроде бы заметила в полутемном доме какое-то движение; ей сделалось страшно. Она спустилась, растопила камин в гостиной и включила все лампы.

Но даже с зажженными огнями и горящим камином, с новенькими яркими покрывалами и диванными подушками, несмотря на все старания Джен придать дому обжитой вид, он казался пустым и холодным. До ее приезда сюда два месяца назад он больше года стоял незаселенный и так и не избавился от этого налета заброшенности. Чтобы дом стал прежним, живым и уютным, требовалось время, думала она, а также люди, вещи. Из Парижа Джен привезла не так уж и много: одежду, книги и кухонную утварь, ноутбук и радиоприемник, больше, пожалуй, ничего. Остальное по-прежнему было здесь, упакованное в помеченные ее именем коробки, ожидающие отправления в место назначения.

Впрочем, дело было не только в одиночестве, дело было во времени года. Ветер пронзительно выл в долине и прорывался в дом, свистя сквозь щели под дверьми и дребезжа старыми витражными окнами. Это был первый раз, когда Джен приехала сюда зимой, и теперь вот бродила по дому, не снимая с плеч одеяла.

Атмосфера этого места менялась зимой. Становилось слишком тихо. Летом слышалось звяканье коровьих колокольчиков, блеяние овец в полях, рокот тракторов вдалеке, птичье пение. Зимой ничего этого не было, и глубочайшее спокойствие лишь в редких случаях нарушалось звуком грузового мотороллера, одного из этих забавных трехколесных фургончиков, тархтящего по пролегающей внизу дороге, или неожиданным треском дров в камине, который всегда заставлял ее испуганно вздрагивать. Эта тишина лишала ее присутствия духа, звенела в ушах. Приходилось включать радио, чтобы ее заглушить. А по ночам она оставляла радио включенным, чтобы заглушать другие звуки, не дававшие ей спать: поскрипывание деревянных балок, шепот или завывание ветра в кронах деревьев за домом, ужасный плач лис, похожий на плач брошенных младенцев.

Холод можно было учуять по запаху. Летом воздух наполнился ароматом лаванды и розмарина, которые росли на клумбах вдоль фасада. Раньше тут были также вьющиеся розы. Аромат древесного дыма, конечно, оставался, но за ним

чувствовалось что-то еще, сырое, нетронутое, запах холодного камня, неприятный, будто могильный. Свойства света зимой также отличались. Джен помнила, каким дом был в июле, с распахнутыми окнами и дверями, с закрепленными на крючках ставнями; тогда солнечный свет вливался внутрь вместе с ароматом цветов и трав. Сейчас же ощущение было такое, будто каких-то частей комнат свет вообще не касается, будто она живет в постоянной тени.

И здесь были призраки. Никаких соседей (ближайшая деревня Вильфранш, с населением в 1489 человек, находилась в пяти минутах езды вниз по горе; выше были только хижины пастухов, а совсем высоко один-два фермерских дома). Только призраки. Они сидели за кухонным столом, они искали дрова для растопки в сухостое за домом, нежно гладили Джен по спине, когда она стояла перед зеркалом в ванной, чистя зубы. Тут был Конор, который стоял на стремянке, обнаженный по пояс, и постукивал ногтями по балке; были Натали и Лайла – они загорали на лужайке перед домом; Эндрю слушал в кухне новости по радио; Дэн сидел на сухой каменной изгороди с записной книжкой и сигаретой во рту.

И вот теперь, сегодня, если позволит погода, они действительно вернутся сюда, те из них, кто сможет это сделать. И в ее сознании они будут в точности теми же самыми. Люди ведь не так сильно меняются, верно? Ее собственная жизнь переворачивалась вверх тормашками не раз и не два, но она ощущала себя почти такой же, как в двадцать один год. Да, немного потрепанной, более круглой и медлительной, но, по сути дела, не сильно отличающейся от себя прежней. Те же убеждения, те же пристрастия. Она, как и раньше, любила все, что связано с языком, словом, любила Оффенбаха, парусный спорт; обожала море, но ненавидела пляжи; обожала собак, но не тех, что держат парижане и которые умещаются в сумочках. Она и сама не знала, было это однообразие ее недостатком или чем-то, чем можно гордиться. Ей нравилось думать об этом как о чем-то таком, что предполагает силу характера, но иногда она задавалась вопросом, не означает ли это, что ее просто заклинило.

Она нервничала и не находила себе места. Сейчас, когда их прибытие неотвратимо приближалось, она почти желала, чтобы пошел снег. Она представила, что вот они уже во Франции, вот уже спешат сюда, к ней, и ей вдруг стало страшно. Но назад пути не было. Она почувствовала напряжение в животе: было ли то от нервов или давал о себе знать ребенок, сказать трудно. Она не могла отделаться от чувства, что, возможно, совершила ужасную ошибку. Она пошла в кухню и налила себе бокал красного вина, стараясь не испытывать

по поводу этого чувства вины. В конце концов, она провела в этой стране почти двадцать лет, а француженки считают это пустяком.

В паре сотен миль к югу, в гостиничном номере в Ницце, худая девица полулежала на кровати, опираясь спиной об изголовье, и ее длинные светлые волосы не вполне прикрывали голую грудь. Она наблюдала, как ее любовник беспорядочно закидывает в чемодан свою одежду.

– Тебе лучше сегодня остаться, – сказала блондинка. – В горах пойдет снег, и ты застрянешь на дороге. Остаешься со мной. – Сказав это, она приподняла левое колено и, ухватив пальцами ноги прикрывающую ее простыню, сдвинула ее чуть ниже, обнажая еще несколько дюймов[2 - Дюйм – мера длины, равная 2,54 см.] своей бледной плоти. Она прикусила нижнюю губу. Глаза встретились с глазами Дэна. Тот рассмеялся.

– Я не могу остаться, Клодия, моя приятельница ждет меня. Все равно твой самолет отправляется в полночь.

– До этого еще много часов, – ответила она, как можно соблазнительнее надувая губки. Она еще больше подтянула к себе левую ногу и сдвинула простыню в конец кровати, оставшись совершенно нагой.

Дэн сел на край кровати и наклонился над ней, чтобы поцеловать. Она крепко обвила его руками, притягивая к себе. Спору нет, это было соблазнительно, вся она была соблазнительной. Мало того, она была особенной.

Они пробыли в Ницце три дня. Там проходил кинофестиваль, мини-фестиваль, множество достойных некоммерческих фильмов и гневных документальных фильмов, сделанных двадцатитрехлетними юнцами с экстравагантной растительностью на лице. В сравнении с ними он был стариком и, можно сказать, безумно успешным, что в их глазах, конечно, означало «продажный». Им еще предстоит многое узнать. В любом случае было трудно чувствовать себя оскорбленным, находясь в номере люкс в «Пале де ла Медитерране» с самой красивой девушкой в Ницце.

Мысль о том, чтобы остаться с ней, пусть всего лишь на несколько часов, была так сильна, что от нее почти невозможно было отказаться. Почти. Потому что он должен ехать. Нет, не просто должен; он хотел поехать. Сказать, что его

интерес возбудило электронное письмо Джен, свалившееся на него как гром среди ясного неба месяц назад, – значит ничего не сказать. Дженнифер Донливи, девушка, которая сбежала, удрала. Девушка, которую он не видел сколько там, лет шестнадцать? Она хотела с ним встретиться, она пригласила его и, конечно же, других обратно во Французский дом. Написала, что дом продается и что им, возможно, захочется увидеть его в последний раз.

Если когда-либо ему и делали предложение, от которого он не мог отказаться, это было оно самое. Шанс вернуться в тот дом, в то место, где, как он по-прежнему чувствовал, во многом началась его карьера. Он обрел все свои лучшие замыслы, написал все свои лучшие тексты, сидя на каменной изгороди с видом на долину со своей необыкновенной записной книжкой в кожаном переплете (подарком от Джен ко дню рождения), куря «Голуаз блонд». Он усмехнулся при этом воспоминании. Что правда, то правда, в те времена он был высокомерным кретином. Сейчас ему было интересно, какие воспоминания взбудоражатся, если он вернется туда, пройдет по тем комнатам. Осталось ли там еще что-то вдохновляющее?

А еще он с нетерпением ждал возможности проехать на своем новеньком «Ауди» по тем невероятным петляющим горным дорогам. Громко включенная музыка, выброс адреналина на крутых поворотах, масса времени подумать. Такого он давно уже не испытывал, это пойдет ему на пользу. Запустит творческое мышление. К тому же им с Клодией будет неплохо несколько дней побыть врозь; это подсластит встречу, подогреет страсть.

Но прежде всего дело было в Джен. Он не позволял себе много о ней думать, он уже давно этого не делал, но как может он упустить шанс увидеть ее снова, выяснить, где она была все это время, что представляет собой сейчас? Она исчезла с экрана радара, он не смог обнаружить ни странички в «Фейсбуке» или в «Твиттере», ни одного упоминания в «Гугле». Когда он только получил ее письмо, то раскопал несколько старых фотографий, снимки, на которые не смотрел лет десять. Ему было любопытно увидеть, как она выглядит теперь. По-прежнему ли красива? Располнела ли? Ему также любопытно было посмотреть на всех остальных, и ему пришлось себе признаться, что он ждет не дождется, чтобы лицезреть встречу Натали и Лайлы. У него было ощущение, что ради такого зрелища стоит запастись попкорном.

– Я обещал Джен быть там сегодня, – сказал он. – Я просто не могу не приехать. Я даже не уверен, что у меня верный номер ее телефона, она подумает, что со

мной что-то случилось. А с тобой мы увидимся через три дня в Париже. Через три дня опять будем вместе. Да?

– Разумеется, – ответила Клодия, сложив губки в презрительную гримаску. Она подтянула простыню обратно до талии и отвернулась, предоставляя ему великолепный вид своей кремовой, слегка веснушчатой спины.

– Рождественский сочельник в Париже, – сказал Дэн, протягивая руку и касаясь ее гладкого плеча.

– Разумеется, – повторила Клодия, но так к нему и не повернулась.

Им потребовалось больше сорока пяти минут, чтобы добраться до начала очереди на прокат автомобилей, и к тому времени как они наконец нашли свой серебряный «Ситроен» посреди стоянки размером с футбольное поле, полной серебряных «Ситроенов», было почти темно и начинался дождь. Они заблудились, пытаясь выехать из Марселя, главным образом потому, что Натали слишком увлеклась своим телефоном, чтобы читать дорожные знаки. Эндрю ничего не сказал: меньше всего сейчас требовалось затевать ссору.

– Может, лучше где-нибудь остановиться, переждать ночь в отеле? – спросила Натали. Ее левая рука была прижата к груди, пальцы так вцепились в ремень безопасности, что побелели костяшки. С каждым крутым поворотом, с каждым перестроением в другой ряд ее правая рука резко хваталась за приборную панель. Всякий раз, как она это делала, Эндрю старался не вздрагивать. Натали не любила ездить в плохую погоду.

– Ты помнишь, каково там, наверху? Ужасные горные дороги. Я думаю, слово «живописные» – это эвфемизм, означающий «извилистые, узкие, идущие вдоль края огромного чертова обрыва». А ты знаешь, как французы водят. Это будет кошмар. Плюс у нас нет шин для езды по снегу. Надо было запастись.

– Все будет в порядке, Нат. Я поеду медленно. Нам некуда спешить.

Она тихонько вздохнула.

– Почему бы нам просто где-нибудь не остановиться? Мы ведь можем приехать к Дженнифер завтра, когда будет светло и погода наладится. Если бы мы где-нибудь остановились, я бы могла позвонить девочкам, похоже, сейчас у меня нет сигнала.

Эндрю глубоко втянул воздух.

– Джен нас ждет, Нат, – сказал он, натянуто улыбнувшись жене. – А девочкам мы звонили из Хитроу, у них все прекрасно.

Так же прекрасно, как в то утро, когда они с Натали оставили их в доме деда и бабки в Шептоне. На самом деле прекрасно – это слабо сказано; девчонки были в восторге, что родители уезжают, и даже не трудились это скрывать. Наблюдая, как родительская машина выезжает с подъездной дорожки, они радостно хлопали друг дружку по ладоням и предвкушали четыре дня бесконечного рождественского шопинга, финансируемого дедушкиной кредиткой, а также позволение выпить бокал игристого вина перед обедом.

Натали не любила ездить на машине в плохую погоду, это верно, но Эндрю прекрасно понимал, что в ее нежелании отправляться в эту поездку было нечто большее. Она не хотела оставлять девочек так близко к Рождеству и не разделяла желания мужа снова увидеть тот дом. Потребовалась также немалая сила убеждения, чтобы она согласилась пребывать в одном помещении с Дэном.

Эндрю же ждал с нетерпением. Нет, не возможности увидеть Дэна, хотя и против этого он не возражал. Он не питал к нему той вражды, что его жена. Для этого он не чувствовал в себе достаточно сил. Дэн попросту стал для него не столь важен, как прежде. Эндрю ехал только ради Джен. Он чувствовал, что каким-то образом пренебрег обязанностью заботиться о ней, хотя Натали всегда напоминала ему, что это глупо. Именно Джен сделала для них невозможным остаться в ее жизни, точно так же, как сама не смогла остаться в их жизни. И все-таки Эндрю не мог отделаться от чувства, что мог бы сделать что-то еще, должен был бы сделать что-то еще. Они редко говорили на эту тему, потому что все разговоры о случившемся тогда неизбежно кончались спорами, но когда эта тема всплывала, Натали упорно настаивала на том, что Эндрю не обязан нести ответственность за Джен, а Эндрю так и не сумел объяснить жене, почему он считает, что должен.

Впрочем, помимо этого ему просто хотелось увидеть ее снова, эти ее теплые карие глаза, полные смеха. И увидеть ее именно в том месте. Это будет нечто.

– Я действительно считаю, – говорила тем временем Натали, – что нам следует позвонить девочкам, дать им знать, что мы добрались благополучно.

– Мы позвоним им из дома, Джен, – сказал Эндрю, – когда действительно благополучно доберемся. – Он пожалел об этих словах, как только они у него вырвались. Он не это имел в виду, но прозвучало так, будто возможен какой-то другой расклад. Он протянул руку и успокаивающе стиснул ее колено. – Их, вероятно, все равно нет дома, твоя мама, скорее всего, уже поехала с ними за покупками.

– Держи руки на руле, Эндрю, – взмолилась Натали. В голосе ее прозвучали слезы, и эта чрезмерная реакция вызвала у него раздражение, но он промолчал. Послушно расположив руки на руле в положении «без десяти два», он лишь повторил:

– Все будет хорошо, Нат. Я поеду медленно.

* * *

Таксиста-марокканца звали Халид. У него была обаятельная улыбка и уверенность гонщика «Формулы-1».

– Я родом из Имсила, знаете это место? В Атласских горах. Тубкаль – знаете такую гору? Здешние дороги по сравнению с тамошними просто автостреды.

– Отлично, – сказала Лайла, тайком делая еще один глоток водки из маленькой бутылки, купленной в дьюти-фри. Потом предложила Заку, но он покачал головой.

– Нервничаешь? – спросил он.

Она чуть пожала плечами.

– Незачем бояться, – бодро сказал Халид. – В этой стране я никогда не попадаю в аварии.

Да, она нервничала, но не по поводу езды. Вся ситуация была немного неестественной. Примерно месяц назад она получила письмо, написанное почерком, который тотчас узнала. Джен сообщала ей, что Французский дом выставлен на продажу, и интересовалась, не хочет ли Лайла приехать и увидеть его в последний раз. Остальных она тоже пригласила – чувствовала, что встреча старых друзей давно уже назрела. Первым побуждением Лайлы было выбросить письмо в мусорную корзину. Через несколько часов она извлекла его оттуда и прочла еще раз, затем – еще раз. Было бы чудесно увидеть Джен после стольких лет. Но всех остальных? В одном доме? Дело кончится кровопролитием.

Она обсудила это с Заком, когда он пришел с работы. Старые друзья, сбор в доме, в котором гостили когда-то давно. Тогда провели лето, подновляя дом для отца Джен. Теперь она его продает и пригласила всех туда в гости.

– Звучит заманчиво, детка, – сказал Зак, но что он мог знать.

Сейчас, сидя в машине, она была уверена, что это ужасная затея. Что могут все они сказать друг другу после первых приветствий и вопросов «как поживаешь?»? Это будет похоже на «Фейсбук», где ты вступаешь в контакт с людьми из своего прошлого. Только этот «Фейсбук» будет живым, и ты не сможешь просто выключить ноутбук и уйти, когда поймешь, что на самом деле существует вполне веская причина, почему твоя дружба с этими людьми давным-давно закончилась.

Зак погладил пальцами ее щеку и, ухватив за подбородок, легонько повернул ее лицо к себе.

– Ты выглядишь такой встревоженной, детка.

– Знаешь, это просто ненормально, что она связалась со мной через столько лет. Я имею в виду, что мы посылали друг другу поздравления на Рождество и все такое, но я не видела ее лет пятнадцать. Не могу поверить, что все это только из-за дома.

– А ты разве не спрашивала? Когда послала ей имейл с согласием?

– Спрашивала. Она ответила, что просто хочет нас увидеть. Господи, надеюсь, она не умирает.

– Лайла!

– Ну, кто ее знает? Хотя я думаю, она не пригласила бы незнакомого человека, если бы умирала, правда?

– Я уверен, что она не умирает.

– Вероятно, нет. Я буду рада ее увидеть, – сказала она, надеясь убедить не столько своего бойфренда, сколько себя. – Действительно рада.

Она придвинулась ближе к Заку и перекинула через его ногу свою, так что почти оказалась у него на коленях.

Халид наблюдал за ними в зеркальце заднего вида.

– Медовый месяц? – спросил он.

Лайла рассмеялась.

– Это не медовый месяц. Просто поганный уик-энд.

– Поганный?

– Просто небольшой отпуск, – поправил Зак.

Благодарение богу за Зака. Даже если все это будет ужасно и неловко, по крайней мере у нее есть Зак, человек-буфер. Он был так мило обходителен, так приятен, так симпатичен внешне, что оказывал успокаивающее действие на окружающих и умел снимать напряженность. Ему бы следовало быть посланцем мира при ООН или участником переговоров об освобождении заложников или кем-то еще в таком роде. Но при этом он являлся чертовски профессиональным инструктором по фитнесу. Как жаль, что за это ему платили гроши.

Ну вот. Она вспомнила об этом, и теперь эта мысль засела у нее в голове, та самая мысль, которая мучила ее перед тем, как она вытащила письмо Джен из корзинки для бумаг. Деньги. Лайла была в стесненном положении и устала от этого. Нищета ее не устраивала, не устраивала никогда. Она не знала насчет Джен или Эндрю с Нат (и никогда их об этом не спросит), но у Дэна деньги были. Она знала, что у Дэна есть деньги и, откровенно говоря, он ей должен.

К тому времени как они добрались до места, стемнело, и они почти пропустили поворот, резкий поворот направо, вверх по горе. С дороги дома не было видно – он появлялся не раньше, чем проедешь половину подъездной дорожки, и выглядел обманчиво маленьким на фоне вздымавшейся за ним горы. Они затормозили перед ним как раз в тот момент, когда начал падать снег. Лайла, твердо решившая, что раз уж ей предстоит встретиться с прошлым, она должна сделать это стильно, была в сапогах с четырехдюймовыми каблуками и открытыми носами; Заку пришлось отнести ее к парадной двери, пока Халид выгружал из багажника чемоданы.

Зак поставил Лайлу на пороге.

– Спасибо, милый, – промурлыкала она и одарила его французским поцелуем, стараясь источать уверенность, которой не чувствовала. Достав из сумочки зеркальце, она оглядела свое лицо. Ущипнула кожу на скулах и прикусила нижнюю губу, чтобы добавить им цвета. Положила зеркальце обратно в сумку и вынула маленькую бутылочку водки. Один быстрый глоток, легкое движение рукой по волосам, и она была готова. – Итак, сделаем это, – сказала она, нажимая кнопку звонка.

Наконец они добрались, несмотря на таксиста, который почти столкнул их с дороги, когда они сворачивали от Вильфранша; «Мерседес» на скорости обгонял грузовик, катящийся вниз с горы. Вскрик ужаса застрял у Натали в горле, и с тех пор она едва ли издала хоть звук. Она вцепилась в дверную ручку и уперлась подбородком в грудь, не отваживаясь смотреть вперед. Они ползли вверх по горе. Она была права насчет дорог, узких и извилистых. Ему следовало ее послушаться.

Когда же она все-таки подняла взгляд, то старалась смотреть прямо вперед, на дорогу, или направо, в сторону горного склона, где пласт снега в метр высотой

служил доказательством многонедельных сильных снегопадов. Но она ничего не могла с собой поделать: то и дело бросала взгляд влево, где снежный пласт обрывался вниз, в ущелье. Эндрю включил радио. Натали тут же его выключила.

– Сконцентрируйся на дороге, – сказала она и пожалела, что ее голос звучал так брюзгливо, так мрачно.

Проблема была в том, что она и чувствовала себя брюзгливо и мрачно. Что они делают? Зачем сюда прилетели и зачем едут теперь на машине в эту чертову даль на три дня? Насколько разумнее было бы, если бы Джен сама к ним приехала. Она могла бы погостить на Рождество. (Боже, Рождество. Ей нужно столько всего сделать. Право же, эта поездка совсем не ко времени.) Надо было им проявить твердость, решительно отказаться от этой поездки, но только она видела, что для Эндрю так много значит вернуться на старое место. Лето, которое они провели в этом доме, возвысилось в его сознании почти до уровня мифа, в его памяти оно сияло золотом. Она это понимала, но сама чувствовала в отношении бывшего лишь легкую грусть; для нее то лето, каким бы сладостным оно ни было, несло в себе также и горечь. Вспоминая о нем, она всегда испытывала смешанные чувства.

И проныра Дэн тоже там будет. Она пообещала Эндрю, что будет мила с ним, но для того чтобы не дать этому мерзавцу пощечину, ей явно потребуется железный самоконтроль.

И, о боже, ко всему прочему ей хотелось бы, чтобы они проделали это путешествие при свете дня, предпочтительно без снега. Тем не менее, слава богу, они добрались. Против ожидания она почувствовала прилив счастья при виде дома, живописно припорошенного снегом, в идиллическом уединении стоящего на склоне горы. Одинокий, но приветливый: из труб по обеим концам крыши валил душистый сосновый дым, из окон на свежевывавший снег лилось теплое сияние.

– Боже, – выдохнула Натали, – здесь так чудесно. – Она повернулась к Эндрю и улыбнулась, и он, судя по виду, испытал такое облегчение, что ей стало стыдно за то, что она была такой придирчивой по дороге, за то, что все усложняла. – Извини, любимый, – сказала она, беря его за руку.

– Не за что извиняться, – заверил он, сжал ее руку и наклонился, чтобы поцеловать в губы.

Потом Эндрю вытащил сумки из багажника. Натали стояла на пороге дома, спиной к двери, всматриваясь в долину и во вздымающиеся за ней горы, белые шапки которых были подсвечены лунным светом. Из дома доносились голоса, смех. Внезапно она занервничала, пожалела, что не заготовила заранее каких-то интересных фраз, и, глядя на свои расклешенные брюки, кроссовки и парку цвета хаки, пожалела, что недостаточно хорошо подготовилась. Могла бы по крайней мере подстричься.

– Все в порядке, любимая?

Она кивнула и снова взяла его за руку, затем приподняла и отпустила дверной молоток. Тревожно громкий звук расколол тишину.

– Идем, – услышался голос. – Я открою, ладно?

Сердце Натали легонько екнуло в груди. Это не был голос Джен. Она бросила взгляд на Эндрю; он посмотрел на нее, глаза их расширились. Натали чуть тряхнула головой, что-то было не так – она это знала, они оба знали, и она поднесла руку к лицу, чтобы прикрыть искривившийся в непроизвольном ужасе рот. Дверь распахнулась, на пороге стояла она, худая, как шпала, платиновая блондинка с пятном ярко-красной помады на губах. Лайла.

– Вот и вы наконец, – произнесла она с улыбкой убийцы и голосом, которым можно было резать стекло. – Мы уж гадали, куда вы запропастились. Как, черт возьми, поживаете?

Понедельник, 26 августа 1996 г.

Дорогая Нат!

Извини, что не удалось увидеться с тобой на выходных. Я горел желанием приехать, но Лайла пришла домой рано утром в плохом состоянии, и я не мог

оставить ее одну. Зрачки, как блюдца, дрожит, трещит без умолку, пугается собственной тени и несет самую невероятную чушь. Не могла спать, не могла ничего есть. Она тусовалась с парнями с работы. Похоже, она переносит наркотики гораздо хуже, чем ей кажется.

Сейчас она наконец-то уснула. Думаю, проваляется весь день. Да здравствуют банковские каникулы! Я позвонил ее матери сегодня утром, она говорит что-то о посттравматическом стрессе после аварии, но это полная чепуха. Это ведь началось раньше, ты же знаешь? Я хочу сказать, понятное дело, что недавно стало хуже, но загулы и скрытность – это началось раньше. Черт, я не знаю, что делать. Оба мы несчастны в этих отношениях, но я не могу вот так ее бросить. Я предложил обратиться к семейному психологу, думаю, ты можешь себе представить, какой успех это имело.

Мне жаль, что она не приезжала навестить тебя в последние несколько недель, ты же понимаешь, это не потому, что ей на тебя наплевать. Она постоянно о тебе говорит. Она просто не может посмотреть в лицо фактам.

Боже, услышь мои стенания.

Как ты, Нат? Я надеюсь, физиотерапия идет хорошо. Я знаю (что я знаю? Я ничего не знаю) – я понимаю, что ты усердно работаешь, и надеюсь, что недалеко то время, когда ты снова встанешь на ноги, такая же сильная, как была. Та нелепо красивая медсестра, должно быть, немного облегчает боль?

Как у тебя продвигается чтение «Бесконечной шутки»? [3 - Роман американского писателя Дэвида Фостера Уоллеса.] У меня поначалу шло туго, но я думаю, бросать не стоит. (Лайла не хочет ее читать. Она бегло ее пролистала и сказала: «Чего ради ей это читать? Ей что, нечем больше заняться?») Потом она обозвала меня псевдоинтеллектуальным кретином и пошла выпить. Возможно, она права. Она посоветовала мне принести тебе «Дневник Бриджит Джонс» [4 - Роман английской писательницы Хелен Филдинг.], который считает уморительным. Я прочел несколько страниц и должен признать, книжка довольно забавная. Я привезу ее тебе, когда приеду в следующий раз.)

Я не видел Дэна пару недель, хотя он звонил на прошлой неделе и утверждает, что очень много работает. Они с Лайлой время от времени пересекаются в Сохо. Он сказал, что планирует вскоре навестить тебя. Может, я привезу его через

уик-энд? В этот уик-энд я хочу, чтобы мы были только вдвоем.

От Джен никаких вестей. Я написал ее матери, и она прислала очень короткое сообщение, что Джен сейчас не в Англии. Никаких подробностей. Они явно все еще очень злы на меня. Интересно, может, Джен в Корке, у Мэгги? Как бы ни была добра со мной Мэгги, думаю, меньше всего ей хотелось бы сейчас говорить со мной. Может, ты черкнешь ей строчку? Ладно, поговорим об этом при встрече.

Я все время думаю о тебе. Знаю, что не надо, но ничего не могу поделать. Я считаю минуты до того момента, когда буду рядом с тобой, это единственное, что сейчас имеет для меня смысл.

С огромной любовью,

Эндрю

P.?S. Между прочим, мне известна дата суда. Это 12 декабря, как раз к Рождеству. Откровенно говоря, чем раньше, тем лучше, мне просто хочется, чтобы все поскорее кончилось.

Глава вторая

Все пошло не так, как она себе представляла, и в то же время, пока события разворачивались, Джен не переставала думать, что именно так все и должно было пойти и глупо было воображать себе что-то другое. Она рассчитывала, что первыми придут Эндрю и Натали и у нее будет возможность провести с ними добрые полчаса наедине перед приездом Лайлы. Это дало бы ей возможность неторопливо объяснить им, что она не была стопроцентно честна насчет списка гостей. Если бы она преподнесла им эту новость мягко, без посторонних, за бокалом вина, все было бы хорошо.

Но случилось по-другому. Первым приехал Дэн. Он подкатил к дому в сверкающем серебристом авто, и она наблюдала из окна гостиной, как он

вылезает из машины, как, задрав голову, смотрит на дом, потом – вниз, на долину, и затем снова на дом. Он стоял, уперев руки в бока, на лице играла тень улыбки, и вид у него был смехотворно мальчишеский. Волосы коротко подстрижены, кожа на носу слегка покрыта веснушками, словно он часто бывает на солнце.

Когда она открыла дверь, он будто удивился ее появлению, будто ожидал увидеть кого-то другого. Он словно потерял дар речи. И она тоже была захвачена врасплох, потому что он был не таким, как она представляла. Джен читала о его фильмах и его успехе, знала о его многочисленных связях с женщинами и ожидала, что он окажется нахальнее, самоувереннее, шумнее, чем прежний старина Дэн. Однако он стоял перед ней, застенчиво улыбаясь, с запинкой ее поприветствовал и робко поцеловал в щеку. Потерянный мальчик.

Он вошел, и она закрыла за ним дверь, и некоторое время они стояли в прихожей, просто глядя друг на друга и ничего не говоря. Лицо Дэна слегка покраснело, а Джен начала смеяться и предложила выпить. Впрочем, она не успела ему налить, потому что именно в тот момент услышала, как подъехала другая машина, услышала хлопанье дверей, смех и громкий, уверенный стук в дверь. Она улыбнулась Дэну, сделав глубокий вдох, открыла дверь, и на нее, вместе с волной холодного воздуха, обрушилась Лайла.

– Джен! О господи, Джен! – Лайла смеялась и плакала, крепко обнимая Джен. Она вцепилась в нее, и Джен не могла сказать ни слова. Она едва могла дышать и просто стояла, заключенная в объятия Лайлы, и сама обнимала ее, чувствуя, как вздымаются и опадают острые лопатки. Это было как обнимать скелет. В конце концов Лайла отпрянула.

Она смеялась, утирая слезы со щек, размазывая по лицу тушь для ресниц.

– Джен! О боже! Посмотри на себя! Ты набрала вес. – Она снова засмеялась, притягивая к себе Джен. – Тебе это идет! Нет, правда. Ты выглядишь чудесно.

– А ты выглядишь точно так же, как прежде, – отозвалась Джен, хотя это было не совсем правдой. Лайла стала даже еще худее, еще блондинистой, с огромными голубыми глазами над острыми как бритва скулами. Она выглядела почти инопланетянкой, карикатурой на саму себя.

– О, ты очень добра, – сказала она, с притворным видом скромницы откидывая волосы за плечи. – А это Зак. – Она величественно указала на молодого, исключительно красивого мужчину, которого привезла с собой. Он выглядел лет на двадцать пять. Зак обменялся рукопожатием сначала с Джен, потом с Дэном, а Лайла тем временем осматривалась, издавая забавные негромкие восклицания. Через несколько мгновений она осознала присутствие Дэна и приветствовала его – не то чтобы холодно, но и не сердечно.

Джен на кухне занималась напитками, когда услышала, как подъехала третья машина. Она как раз откупоривала бутылку красного вина, когда Лайла крикнула, следует ли ей отворить. И прежде чем Джен успела вмешаться, Лайла настежь распахнула входную дверь. На пороге стояли Натали и Эндрю, с разинутыми ртами, ошалевшие, и когда Эндрю наконец посмотрел на Джен, у него был такой вид, будто ему дали под дых.

Натали была в ярости, и извинения Джен, даже на ее собственный взгляд, звучали шаблонно и льстиво.

– Я просто хотела, чтобы вы все приехали, – услышала Джен собственный голос, сопровождаемый слащавой и глупой улыбкой. – И я знала, Нат, я знала, что ты не захочешь приехать, если...

– Если что? – выпалила Лайла, незамедлительно вступая в борьбу. – Они бы не приехали, если бы знали, что я приеду? – Она закурила, яростно затягиваясь, при этом ее худые щеки еще больше провалились. – Ну и наглость.

– Извините, – сказала Джен. – Мне правда жаль. Это была ошибка.

– Пожалуй, да, – тихо произнес Эндрю. Он потянулся к руке жены, потупившись, он не решался встретиться взглядом с Джен и выглядел удрученным. Джен чувствовала, что вот-вот расплачется. – Думаю, будет лучше, если мы с Нат спустимся на ночь в деревню.

– Нет! – решительно и страстно воскликнула Натали. – Я никуда сегодня больше не поеду, Эндрю. Абсолютно исключается. Мы останемся здесь на ночь и уедем утром.

Чувствуя себя глупо и сконфуженно, Джен развела пары по их комнатам. Лайла, твердо вознамерившаяся перещеголять Натали в обидчивости, нетерпеливо удалилась вместе со своим спутником и захлопнула за собой дверь; Джен осталась сопровождать молчаливых Эндрю и Натали. Она открыла дверь спальни и широко им улыбнулась, чувствуя себя гостиничным портье, ожидающим чаевых. Натали стремительно прошмыгнула мимо нее напрямик в ванную, бормоча что-то о необходимости принять ванну. Эндрю остался на пороге, положив руку на дверной косяк. Легонько постучал по нему костяшками пальцев.

– Крепко держатся, да? – произнес он, и на его губах появилась легкая улыбка гордости. В то лето, как же это было давно, Эндрю и Конор починили здесь, на втором этаже, большую часть дверных коробок. Они подперли провисшие стропила и починили крышу, закрепили широкие дубовые балки, спасли дом от обрушения.

– Держатся отлично, – ответила Джен. Она сидела на краешке кровати, наблюдая за ним, ожидая, когда он на нее посмотрит. По-настоящему на нее посмотрит.

Но Эндрю любовался на свою давнишнюю работу, поглаживал стены и обследовал половицы, словно выискивая проседание или сухую гниль. Он внимательно осмотрел потолочные балки, проверил оконные переплеты и наконец, закончив свое обследование, повернулся к ней. Он стоял, высокий, уперев руки в бока, и впервые с момента приезда смотрел ей прямо в глаза.

– Дом выглядит отлично, – сказал он и, прежде чем она успела ответить, продолжил: – Не могу поверить, что ты его продаешь.

Джен вздохнула, поднялась на ноги и встала перед ним. Она знала, что он будет огорчен, но, глядя на него сейчас, видя его удовлетворение оттого, что он видит дом снова, оттого, что стоит здесь, на том месте, где они так усердно трудились, она поняла, что это окажется тяжелее, чем ей представлялось.

– Я в нем даже не живу. Да, сейчас я здесь, но это в кои-то веки. А теперь папа умер, и мама определенно не хочет сюда приезжать... – Она пожала плечами. На какую-то секунду оба неловко улыбнулись друг другу. Она не могла придумать, что бы еще сказать, ей с трудом верилось, что он действительно здесь, стоит

пред ней. Это казалось нереальным.

– Эндрю! – позвала Натали из ванной комнаты. – Ты не мог бы подойти на секунду?

Эндрю с драматическим видом пожал плечами и развел руками.

– Мне жаль, – сказала Джен почти шепотом, – что все так получилось с Лайлой.

Эндрю тряхнул головой, отмахиваясь от извинений.

– Все в порядке. Поговорим утром. – Он улыбнулся ей и на секунду стал похож на себя прежнего, или по крайней мере ей показалось, что тот, прежний Эндрю находится где-то здесь, рядом.

Спускаясь вниз, Джен задержалась на середине лестницы, положив руку на холодную каменную стену. Она запыхалась, сердце билось чересчур быстро. Отдышавшись, она посмотрела на ступеньки и поняла, что проглядела еще одну каплю крови.

– Проклятое пятно, – пробормотала она, спустившись до конца и направляясь в кухню. Там ее ждал Дэн; прислонившись к кухонной стойке, он попивал пиво и проверял свой телефон. Он выглядел на первый взгляд как дома и в то же время совершенно не на месте. От этого диссонанса у Джен закружилась голова. Она не могла позволить себе слишком долго задерживаться на этой мысли. Не сейчас, у нее еще много дел.

– Извини, – сказала она ему. – Я подумала, что будет лучше сначала разместить остальных. – Он поднял взгляд и улыбнулся, затем снова обратился к своему телефону. – Хочешь теперь пойти посмотреть свою комнату?

Она повела его через черный ход, через двор к постройке, которая когда-то служила амбаром, а теперь была модернистскими апартаментами с раздвижными стеклянными дверями, спальней на антресолях и душевой.

– Обалдеть, – выдохнул он. – Вот это усовершенствование.

– Ну, – улыбнулась она. – Не каждый день у меня гостит знаменитый кинорежиссер. – Он бросил на нее быстрый взгляд, в глазах его промелькнуло желание защититься, словно бы он заподозрил, что она издевается. – Шучу, – быстро сказала она. – Тут был жилец. Писатель из Парижа, довольно знаменитый на самом деле, толстые тома ужасающей популярной философии. – Она говорила торопливо, сбивчиво, фразы набегали друг на друга. – Так или иначе, он снимал это жилье целую вечность, долгие годы. Он приезжал сюда на полгода, использовал это место, чтобы писать и развлекать женщин. Это был его писательский кабинет.

– То есть сама ты не жила в доме? – Дэн выглядел удивленным.

– Нет. Считалось, что это убежище мамы и папы, но на самом деле они сюда не приезжали, потому что вообще никогда никуда не хотели ездить вместе. Потом они развелись, и после этого папа заболел. Я не хотела сюда возвращаться в одиночестве. Так что папа решил сдать его внаем, и Делакур – тот писатель – год за годом его снимал. В конце концов пару лет назад он купил собственное жилье, и дом с тех пор пустовал. Ну, пока я не приехала.

– А теперь твой папа хочет его продать?

– На самом деле теперь он мой. Папа умер в прошлом году.

– О, прости.

Это было сказано совершенно без эмоций. Неуверенный в себе потерявшийся мальчик, который появился у нее на пороге меньше часа назад, исчез. Перед ней был совсем другой Дэн, превосходно владеющий собой, бесстрастный, отстраненный. Похоже, он старался не встречаться с ней взглядом. Джен немного подождала, пока он что-нибудь скажет.

– Ну, тогда я тебя оставляю? Приходи обедать, когда отдохнешь. Хорошо?

– Отлично. Спасибо, Джен. – Он опять уставился в телефон.

Джен вернулась в кухню, накрыла на стол и открыла бутылку красного вина, чтобы дать ему подышать. Дала и себе отдышаться. Пока еще нельзя было

сказать, что это полная катастрофа. Просто всем требовалось какое-то время, чтобы прийти в себя. Она услышала скрип половиц в холле и подняла взгляд. В дверях стоял Эндрю и наблюдал за ней.

– Выпьешь? – спросила она.

– Ах, Джен. Нат действительно нехорошо себя чувствует, она лежит, так что... Извини, что нам придется пропустить обед.

Джен улыбнулась сквозь стиснутые зубы.

– Может, принести вам что-нибудь наверх?

– Все нормально, – заверил он. – Не беспокойся. – Он был смущен, ему хотелось поскорее уйти. Джен не стала обострять ситуацию, в конце концов, все это была ее вина. Так что, возможно, этот уик-энд все же обернется полной катастрофой.

7 сентября 1999 г.

Электронное письмо от Дэна к Лайле, Эндрю и Натали

Дорогие все!

Мне жаль, что все так обернулось в тот вечер. Я не собирался никого задеть или обидеть, хочу, чтобы вы это знали. Жаль, что вы не дали мне возможности объяснить.

Во-первых, тот фильм – это вымысел. Я знаю, что есть места, люди и события, которые выглядят знакомо, но они не являются точным отражением тех мест, людей или событий, которые были источником моего вдохновения. Вы были источником моего вдохновения, только и всего. Я не снимал фильм о вас или о том несчастном происшествии.

Во-вторых – я понимаю, что это звучит неубедительной отговоркой, – окончательный монтаж сделан не мной. Были определенные сцены, в частности, в конце, против которых я возражал. Я боролся за то, чтобы включить некоторые сцены и исключить другие, и проиграл.

Я бы хотел увидаться с вами, со всеми вами, поговорить глаза в глаза и объяснить, что именно я намеревался сделать, а что – нет. Пожалуйста, дайте мне такую возможность.

В особенности же, пожалуйста, поймите, что я никак не хотел обидеть никого из вас. Вы – моя семья, и вы это знаете.

Дэн

Глава третья

Дэна тоже не оставляло чувство, что этот уик-энд обернется катастрофой. Обед протекал мучительно, на этот счет не могло быть двух мнений. Будь такая сцена в кино, ее трудно было бы смотреть, она бы заставляла зрителей ежиться и чувствовать себя неловко, сползать вниз по сиденью и закрывать глаза; переживать же ее в реальности оказалось по-настоящему больно. Минута за минутой невыносимой тишины за пережевыванием пищи (был подан хороший бараний бок и вино – единственный положительный момент за весь вечер). Лайла дулась, ее крутой мачо время от времени изрекал банальности, Джен выглядела бледной и напряженной.

На долю Дэна выпало попытаться спасти вечер. Он сделал все, что было в его силах. Он рассказал им о Клодии, красивой немецкой актрисе, о новом «Ауди», на котором проделал весь путь от Лондона до Ниццы, о летнем доме, который подумывал купить. Наконец он заговорил о своих планах на Рождество, о номере люкс, который зарезервировал в «Ритце», где планировал встретиться с Клодией (как только она выложит эту неприятную новость своему мужу).

Он мог бы с тем же успехом разговаривать сам с собой. Да, Джен кивала и улыбалась и внимательно слушала, но было видно, что по-настоящему она не

проявляет интереса к тому, что он говорит. Это обескураживало. Вызывало разочарование. Честно говоря, он считал, что все должны быть под изрядным впечатлением. Все-таки, на минуточку, его девушка была кинозвездой.

Лайла, похоже, вообще его не слушала, потому что в ту же секунду, как он умолк, она сменила тему, с жаром напустившись на Джен за то, что она затеяла эту странную встречу.

– Тебе следовало по крайней мере предупредить меня, что ты не собираешься говорить им про мой приезд, – сказала она Джен, и лицо ее исказилось убийственной гримасой. – Получилось по-настоящему неловко. И в любом случае я не понимаю, почему она так бесится. Это она увела моего парня. Это я должна исходить злостью.

– Ты встречалась с ним? – спросил ее бойфренд, явно позабавленный. – С тем малым наверху?

– Да, с ним, – выпалил Дэн, тотчас почувствовав необходимость вступить за Эндрю, которого, как он чувствовал, в каком-то смысле оскорбили. – И что из этого?

– Оставь Зака в покое, – сказала Лайла, протягивая руку и глядя своего парня по шее. – Он только спросил. – Лайла подалась вперед, переплела пальцы перед своим лицом и склонила голову набок. Она сверкнула в Дэна убийственной усмешкой, и он почувствовал, как внутри у него все сжимается. Ему не следовало ничего говорить; теперь он только вызвал огонь на себя. – Мистер Паркер, – продолжила Лайла, глотнув вина. – Великий кинорежиссер. Я не видела вас... ух, даже не знаю. Сколько мы не виделись, Дэн?

Дэн проглотил комок.

– Ты прекрасно знаешь сколько, Лайла. Тринадцать лет.

– К счастью для некоторых, – сказала она и, подхватив бутылку, вылила последние несколько капель себе в бокал. Потом повернулась к Заку: – В прошлый раз я видела Дэна на премьере его первого фильма. «Один день в июне». Он имел изрядный успех, верно, Дэн? Ты, должно быть, заработал кучу денег.

Дэн кивнул. Он не сводил взгляда с лица Лайлы, потому что ему было нестерпимо смотреть на Джен. Конечно, он знал, что это случится, и был готов к тому, что в какой-то момент возникнет дискуссия насчет того фильма. Он только надеялся, что эта стычка будет более мягкой, что на него не будет наступать готовая к драке Лайла. Надеялся, что сможет поговорить об этом наедине с Джен.

– О чем был фильм? – вежливо спросил Зак, и в этот момент Дэну захотелось дать ему по морде.

Он глубоко вздохнул.

– Ну, это было...

– Предполагалось, что фильм о несчастном детстве Дэна, – громко вклинилась Лайла. Она приподняла бутылку и поставила ее обратно. Джен встала, чтобы принести другую. – Но на самом деле фильм был совсем не о нем. Он был о нас, о некоторых событиях, случившихся с нами, и о том, какие мы все ужасные люди и какой чудесный Дэн...

– Это неправда, Лайла.

Джен вернулась к столу с новой бутылкой.

– Я несправедлива, Джен? А что ты об этом подумала?

Дэн с трудом заставил себя поднять взгляд на хозяйку, но когда он это сделал, то не увидел гнева или печали, а увидел смущение.

– Ну, я подумала... – Было ясно, что она не видела фильма. Прежде ему никогда не приходило в голову, что она не станет его смотреть, но сейчас он это понял. – Ну, дело в том, что... – снова попыталась она что-то выразить.

– Ты его не видела, да? – спросил Дэн.

Джен кивнула.

– Его не показывали во Франции, – ответила она с извиняющейся улыбкой. На самом-то деле фильм там показывали, но он не хотел ее поправлять, он просто улыбнулся и позволил ей налить ему еще бокал вина.

Ему бы следовало почувствовать облегчение. Он не знал, как бы она прореагировала на фильм, он мог показаться ей отвратительным. В конце концов, другим-то показался. Но вместо облегчения он испытал разочарование. Ему было интересно, что она почувствовала при просмотре, узнала ли сцены, на которые сама повлияла в те давние времена, когда они сидели вечерами и разговаривали. Лайла была права: он заработал на фильме много денег; фильм открыл для него двери, положил начало его карьере. Но он заплатил за него свою цену. И если она его не видела, никогда даже не хотела увидеть – что ж, тогда, пожалуй, цена выглядела высоковатой.

Дэн отодвинул стул. Он собирался встать, принести извинения и уйти в свою комнату, подальше от них всех, позвонить Клодии, забыть об этом ужасном вечере, но Лайла еще не закончила.

– Не могу поверить, что ты не видела его фильм, Джен, – сказала она, закуривая.

– Ну, понимаешь, как я уже сказала...

– Он есть на DVD, – бодро возразила Лайла. – Думаю, ты найдешь его интересным.

– Лайла, – вмешался Дэн, – давай оставим это, хорошо?

– Нет, почему же? Это ведь твой шедевр. И Джен выходит в нем вполне неплохо, верно? Немного непостоянной, пожалуй, капельку взбалмошной... – Лицо Лайлы дышало злобой. – Перепархивающей с одного на другого...

– Лайла, перестань.

– Я же предстаю бессмысленной, протухшей от наркотиков сукой, так?

– О господи, Лайла! – Дэн вскочил. – Это же вымысел! В фильме нет Джен, так же, как нет тебя. Вымысел, понимаешь? Там, в начале, даже говорится об этом:

всякое сходство с реальными персонажами, живыми или мертвыми, бла-бла-бла...

– Ну, раз ты так говоришь, Дэн... – приподняв одну бровь, с тонкой улыбкой сказала Лайла. Она наклонилась вперед и постучала сигаретой по краю его бокала, стряхивая пепел в вино.

Час спустя он лежал на кровати в амбаре, слушая потрескивание постройки. Ветер усиливался. Дэн дрожал, несмотря на тепло комнаты, представляя себе, каково это может быть – оказаться на улице в такую погоду, в горах за домом или в лесу. Он выскользнул из постели и спустился по приставной лестнице, намереваясь убедиться, что раздвижная дверь заперта, и тщетно пытаясь выбросить из головы сотню образов из ужастиков, которые, явившись к нему с холода, алкали тепла и пищи. У него всегда было сверхактивное воображение.

Дэн посмотрел на телефон, чтобы узнать время. Почти полночь. Он был слегка разочарован, что у него нет пропущенных звонков и сообщений: ни любовных посланий от Клодии, ни даже простого вопроса о том, благополучно ли он добрался. Если подумать, это было с ее стороны довольно невнимательно. В конце концов, ему пришлось подниматься в заснеженные горы на скоростном автомобиле. Он подумал, не позвонить ли ей, но решил, что она, вероятно, уже в самолете. И ему не хотелось выглядеть эмоционально зависимым.

Ему пришлось заставить себя держаться хладнокровно, как ни в чем не бывало, что он делал всегда. У него это не очень хорошо выходило. Он думал о своем приезде, случившемся всего несколько часов назад, о том, как перебирал в голове те слова, которые хотел сказать Джен и всем остальным, как собирался беззаботно влететь в дом, похлопать Эндрю по спине, подмигнуть Лайле и чмокнуть ее в щеку. А потом он приехал, и оказалось, что больше никого нет, и он неуклюже пробормотал: «Привет» – и покраснел, не зная, что лучше: обнять Джен или поцеловать. Конечно, ему следовало ее поцеловать, но он полез обниматься, и это вышло неуклюже и просто... брр. Он чувствовал, что краснеет при одном воспоминании об этом.

И оттого у него наступила гипертрофированная реакция, как бывало всегда, он замкнулся в себе. И именно от этого, когда она повела его смотреть амбар и сказала, что ее отец умер, он едваотреагировал, не обнял ее, не поцеловал, как положено, как сделал бы нормальный человек, как сделал бы старый друг. Он просто застыл и отвернулся, и, черт побери, что она должна была подумать?

Он опять схватил телефон и набрал номер Клодии. Конечно же, попал на голосовую почту, но потом подумал, что, возможно, она сама в это время звонит, возможно, даже набирает ему в этот самый момент, поэтому он позвонил ей опять, и вновь ему предложили оставить сообщение, и теперь у нее будет два пропущенных звонка от него, и он все-таки будет выглядеть эмоционально зависимым.

Пронзительно завыл ветер, и Дэн вскочил. Было ясно, что он не заснет, если еще не выпьет.

Среда, 21 февраля 1996 г.

Привет, Дэн.

Как дела? Не могу поверить, что Норвич действительно так ужасен, как ты утверждаешь.

Или, возможно, это потому, что ты не мог часто выходить из дому – ты много писал. И у тебя получилось действительно хорошо – я под таким впечатлением. Ты настоящая звезда. Не могу поверить, что столько всего произошло с прошлого лета. Мои подробные записи прилагаются...

Как ты увидишь, мое впечатление в целом положительное. Хотя не могу отделаться от чувства, что не хватает сцены или двух. Я знаю, что ты написал это в своем безумно крутом европейском натуралистическом стиле, и мне это нравится, я просто думаю, не требуется ли тут момент драматизма: что-нибудь пугающее, судьбоносное, душераздирающее – не сделает ли это вещь более законченной? Я не предлагаю тебе превратить это в классический блокбастер, состоящий лишь из начала, середины и концовки. Так или иначе, поскольку записи, как я уже сказала, прилагаются, думаю, там все это объяснено лучше.

Как идет поиск финансирования? На выходных я видела Лайлу, она говорит, что будет рада добровольно помогать тебе пристроить сценарий на киностудию – кажется, она думает, что у нее есть необходимые для этого способности. Может, она и права. Кстати, она показалась мне сейчас более адекватной, менее

маниакальной, хотя и психанула за обедом. Эндрю, кажется, по-прежнему в напряге, она наехала на него, когда он предложил, чтобы после закрытия они пошли прямо домой. Очевидно, имелась в виду какая-то вечеринка, которую надо посетить, люди, которых надо повидать.

Кстати о людях, которых надо повидать: не хочешь ли ты приехать в Лондон на этот уик-энд? В Британском институте кино с этой пятницы показывают «Ночь на Земле», и ты единственный человек, которого я знаю, помимо себя, кто любит этот фильм. К тому же Конор собирается в Ирландию (опять), помочь брату с ремонтом дома. Вроде как они почти закончили. Я слышу это с прошлого октября...

У Конора все в порядке, хотя он очень много работает, так что с этой работой и поездками в Ирландию нам почти не удастся видаться. Моя работа отвратительна. Начальница самая большая стерва, какую я когда-либо видела. Слава богу, что это только до лета.

Не могу дождаться лета! Как ты думаешь, тебе удастся приехать во Францию в этом году? Надеюсь, что удастся. Мне не хватает общения с тобой.

Как твоя личная жизнь, плейбой? Учудил что-нибудь забавное на Валентинов день?

Если не планируешь ничего интересного на эти выходные, приезжай, повеселимся. И сможем поговорить о кино.

С огромной любовью,

Джен

Глава четвертая

Натали не могла уснуть. Она лежала в темноте, глядя, как падает снег, слыша, как дыхание Эндрю делается глубже и медленнее, по мере того как он погружается в сон. У нее сна не было ни в одном глазу, тело беспокойно

подрагивало, в голове пульсировала кровь. Она могла бы включить свет. Эндрю не станет возражать, просто перевернется на другой бок и тут же опять заснет, а если даже не заснет, все равно не рассердится. Крепче прижмется к ней и будет держать в объятиях, пока она будет читать, она это точно знала. Только читать ей не хотелось и еще меньше хотелось, чтобы ее обнимали. В глубине ее существа бурлил гнев.

Ярость, вызванная двуличием Джен, за последние несколько часов не ослабла ни на йоту. Без предупреждения собирать их всех вместе было жестоко по отношению к ней, к Эндрю и даже к Лайле. Хуже всего, что она не имела возможности выразить эти чувства громко, в той резкой форме, в какой ей хотелось. Потому что в этом случае Эндрю не был бы на ее стороне. Он понимал ее чувства, но принимал бы в расчет и другую сторону. Он бы простил. Эндрю всегда простит Джен. Считалось, что на Джен нельзя сердиться. Прошло столько лет, столько воды утекло, а по-прежнему считается, что ей нельзя злиться на Джен.

Нат чувствовала себя злой, взвинченной и очень голодной. Они не ели ничего после бутербродов из фастфуда, которые купили для перелета, и свои она съела в зале ожидания, не могла даже дождаться, пока они сядут в самолет. Она медленно села в постели, стараясь не разбудить Эндрю. Тихонько, одну, потом другую, перекинула ноги через край кровати и поставила ступни на приятно теплый деревянный пол. Выпрямилась, осторожно изогнулась из стороны в сторону, разгружая мышцы и суставы спины. Спина, как всегда, у нее ныла после путешествия. Наконец она поднялась на ноги, вытащила из чемодана хлопчатую спортивную фуфайку Эндрю (она не позволила ему распаковаться – в этом не было нужды, поскольку на следующее утро они непременно уедут) и крадучись вышла в коридор. Двери в спальни Джен и Лайлы были закрыты, свет потушен. Она прошлепала к краю лестницы и стала вглядываться вниз: откуда-то исходило теплое свечение. По-видимому, еще горел камин. Держась рукой за стену для устойчивости, она на цыпочках спустилась по лестнице, ощущая под ногами холодный камень.

Огонь горел в камине в гостиной, но свет был потушен. Слава богу, в кухне никого не было, поэтому она совершила набег на холодильник и взяла себе клинышек сыра бри, а в шкафу нашла несколько крекеров. В доме было абсолютно тихо, если не считать треска догорающих поленьев в соседней комнате. Она торопливо ела, стоя в темноте, у кухонной стойки. Нат съела второй крекер, третий, четвертый. Глубоко вдохнула, выдохнула.

Она почувствовала себя успокоенной. У нее была эмоциональная связь с едой, так говорила ей мать. Это длилось многие годы, с тех самых пор, как она столько времени провела в больнице. Когда она оттуда вышла, она ела. Оправдываясь, Нат говорила, что это лучше, чем пить или быть зависимой от болеутоляющих. Мать всегда улыбалась на это и говорила: «Конечно, лучше, дорогая», затем возвращалась к своему зеленому салату. У матери был восьмой размер[5 - Примерно 42-й российский размер.], и она любила поговорить о том, что до сих пор влезает в костюм, который надевала, отправляясь в свадебное путешествие.

Сосущее ощущение в животе утихло; она почти чувствовала, как у нее в крови поднимается сахар, уходит напряжение из шеи и плеч. Нат положила на тарелку еще несколько крекеров и забрала свою добычу в гостиную, все еще тускло освещенную несколькими горячими угольями в камине. Села в одно из потертых кожаных кресел, поставила тарелку на колени и продолжила есть.

В то лето, что они провели здесь, в этом доме, они готовили на огне. Тогда здесь не было кухонной плиты, только небольшая газовая плитка, которую они купили в супермаркете «Леклерк», так что они готовили или на улице на решетке, или в доме на плитке. Они поджаривали хлеб и пекли картошку, готовили рыбу в фольге. Вот в этой комнате они жили. И даже спали здесь иногда, когда шел дождь. Наверх не ходили, потому что крыша текла. Натали и Лайла всегда должны были быть ближе всех к огню, потому что всегда больше всех мерзли. Эндрю имел обыкновение лежать у Лайлы за спиной, обняв ее сзади. Джен и Конор сворачивались клубочками в углу под окном; Дэн любил лежать у противоположной стены. Он параноидально боялся, что искры из камина подожгут его спальный мешок.

От этих воспоминаний у нее образовался комок в горле. Она вспомнила, как просыпалась в бледном свете зари, открывала глаза, и первое, что видела поутру, было лицо Лайлы, длинные ресницы, светлые волосы, рассыпающиеся по плечам. А если Натали чуть поднималась, опираясь на локоть, то видела Эндрю, наполовину спрятавшего лицо в шею Лайлы. Иногда оказывалось, что он тоже не спит, и тогда он смотрел на нее снизу вверх и улыбался, беззвучно произнося одними губами: «Доброе утро».

Горечь и сладость. Все лето она провела рядом с лучшей подругой, безнадежно влюбляясь в парня лучшей подруги и всеми силами стараясь не хотеть его. Старания были безуспешными. Она старалась снова. У Эндрю не было сложных

воспоминаний об этом месте: когда он думал о Французском доме, он думал о Коноре, о длинных летних днях, о том, как они с ним работали бок о бок на стропилах, чиня крышу, или пили ледяное пиво на лужайке перед домом, в окружении красивых девушек в бикини. Натали тогда была ему просто другом. Она была второстепенным персонажем, подружкой Лайлы, тихой книжницей, посиживающей в тени дубов, чтобы не обгореть на солнце.

Чувства Натали по поводу Французского дома были завязаны в тугие узлы, которые невозможно распутать. Были вспышки яркого счастья, перемешанные с воспоминаниями об отчаянном, безнадежном вожделении и уколами вины.

Больше всего ей нравилось раннее утро, до того как солнце становилось слишком жарким. У нее вошло в привычку отправляться первым делом в деревню, нередко оставляя остальных еще спящими, чтобы купить свежего хлеба или круассанов. Туда и обратно было чуть меньше шести миль, добрых полтора часа ходьбы – оживленной вниз с горы, более медленной обратно в гору. Шесть миль! Сейчас она с трудом проходила две. Иногда к ней присоединялся Эндрю; иногда он шагал вместе с ней вниз, а затем обратно бежал бегом – он много занимался спортом в университете и не хотел терять форму. Они спорили о политике или говорили о книгах, время от времени просто шагали молча, а перед ними расстилалась красота летних альпийских предгорий.

Иногда во время этих прогулок Натали воображала, что видит в выражении лица Эндрю или слышит в тоне его голоса какой-то намек на то, что его чувства к ней больше не являются чисто платоническими.

Порой, если она наносила особенно сокрушительный словесный удар или делала особенно пронизательное замечание, он останавливался, поворачивался к ней и улыбался или качал головой с таким выражением в глазах, которое предполагало нечто вроде благоговения, и ее сердце пускалось вскачь.

А в доме она наблюдала, как Лайла драит пол или покрывает лаком одну из дверей – красивая даже с краской на лице, вспотевшая, всегда смеющаяся по поводу чего-нибудь, громогласная, уверенная в себе. Натали смотрела на нее тогда и думала: как нелепо даже на секунду представить, что Эндрю может захотеть ее, Натали, когда у него есть Лайла. Тогда она корила себя и ей было стыдно, что она воображает себе такое. Думала, какой пустой была бы ее жизнь, какой скучной и однообразной без Лайлы. Порой чувство вины хватало ее за горло и встряхивало, сжимало трахею, не давало дышать.

Натали почувствовала зуд от соленой воды на коже и поняла, что плачет. Она встала с кресла, отнесла пустую тарелку в кухню, снова давая глазам привыкнуть к темноте. Ей показалось, что через заднее окно она видит какое-то движение во дворе, и беззвучно охнула. Кто-то был там – она слышала, как дергается ручка двери. Крик застрял у нее в горле. Дверь отворилась, в кухню проник свет.

– Иисусе! – воскликнул Дэн, увидев ее. – Что ты здесь делаешь в темноте?

– Я не могла заснуть.

– Со мной чуть инфаркт не случился.

– Я не знала, что ты там. Я подумала... – Она оборвала себя, потому что, произнеси она это вслух, прозвучало бы слишком глупо. Она увидела тень и подумала о Коноре, подумала, что он крадется в дом поздно ночью с заднего двора, после работы в сарае.

– Мне просто страшно захотелось еще пива. Я не привык ложиться так рано.

Было начало третьего ночи. Дэн подошел к холодильнику, держась на ногах будто бы не совсем твердо, как если бы до этого выпил уже не одну бутылку.

– Выпьешь со мной, Нат?

От испуга она забыла, что надо на него злиться. Теперь, услышав свое имя, она об этом вспомнила.

– Нет, я не буду пиво. Предоставляю это тебе, – ответила она.

– Ой, да ладно, Нат. – Он усмехнулся ей дерзкой мальчишеской ухмылкой, приподняв одну бровь, – этот его прием она хорошо помнила. Он часто прибегал к нему в прошлом, и с изрядным успехом.

Впрочем, на Натали это никогда не действовало. Она пронзила его непреклонным взглядом.

– Не надо. Не надо говорить со мной так, будто мы друзья.

– Будет тебе, Нат. – Он вынул из холодильника две бутылки пива и протянул одну ей. – Пожалуйста. Выпей со мной.

Вопреки здравому смыслу она ее взяла. Они прошли в гостиную и сели у огня. Дэн попытался завести светскую беседу.

– Как дети, Нат? Сколько им сейчас? Восемь или девять, должно быть?

– Им двенадцать.

– Нет, серьезно?

– Да, Дэн, серьезно.

– Поразительно. – Пауза. – А ты хорошо выглядишь. Все в порядке? – Это было мучительно. Он продолжал что-то говорить, извиняться перед ней за то, что столько времени не поддерживал связь, не приезжал их навестить. Он-де был очень занят, работал, путешествовал. Нат слушала вполуха. Единственное, что крутилось у нее в голове: зачем она здесь? – Сколько лет прошло? – привлек ее внимание вопрос Дэна.

– Семь.

– Нет. В самом деле? Семь лет? Поразительно.

– Мы обедали, помнишь? Ты повел нас в «Нобу». Ты был с той актрисой, испанкой. Исхудалой, обкокаиненной. Не помню ее имя.

– Елена.

– Точно.

– То был хороший вечер, правда?

– Нет, Дэн, не был. Твоя актриса явно думала, что мы с Эндрю невыносимо скучны, потому что говорим о всяких банальностях: о наших детях и работе. Ты весь вечер оглядывал зал в поисках каких-нибудь своих знаменитых друзей, а для Эндрю все закончилось пищевым отравлением.

– О! Прошу прощения. – Дэн выглядел задетым. – Мне запомнилось, что мы хорошо провели время.

– Тебе всегда хорошо удавалось переписывать историю.

– Ах, Нат.

Она знала, о чем он подумал, поэтому перебила его:

– Я не говорю о фильме. Забудь про чертов фильм. Я говорю об этом. – Она обвела рукой вокруг. – Обо всем этом. Чем мы вообще здесь занимаемся? Не понимаю, почему мы пытаемся повернуть время вспять, к чему вся эта ностальгическая поездка? Пытаемся притвориться, что мы по-прежнему друзья, так, что ли?

– Мы по-прежнему друзья.

– Нет. Ты даже не можешь вспомнить возраст моих детей. Мы не друзья. И знаешь что? Я даже не уверена, что мы ими когда-то были. Мы были лучшими подругами с Лайлой, которая встречалась с Эндрю, он же был лучшим другом Конора, который встречался с Джен. Я не совсем понимаю, каким боком ты сюда подходишь.

Едва слова слетели с ее губ, она тотчас о них пожалела, даже еще раньше, чем Дэн вздрогнул.

– Это несправедливо. Вы были очень важны для меня, все вы. Вы были моей семьей.

Подобно убийце, чувствующему, что нож вонзен, она, пройдя точку невозврата, продолжала настаивать на своей ошибке.

– Ладно, в колледже еще была какая-то близость, согласна. Ты пытался затащить меня в постель, в промежутках между другими девушками, только потому, что я не спала ни с кем другим. Думаю, ты, наверное, меня жалел.

Дэн покачал головой:

– Это неправда. Это неправда.

– Но сейчас? Кто мы друг другу сейчас? Все мы? Осталось ли что-нибудь, что удерживает нас вместе? Я больше не дружу с Лайлой, которая больше не встречается с Эндрю, у которого нет лучшего друга, потому что Конор умер. Так что же осталось?

Пятница, 19 июля 1996 г.

Дражайшая Джен!

Посылаю это тебе через твоих родителей. Я не знаю, где ты. Не знаю, передадут ли они это тебе.

Я так скорблю.

Слова кажутся такими же бессмысленными в написанном виде, как и в сказанном. Но ты знаешь, только ты знаешь, как я скорблю. Его нет уже три недели и шесть дней. Это кажется невозможным.

Моя мать потеряла своего отца, когда была подростком. Она приехала навестить меня вчера и сказала, что самое трудное вот что: когда похороны позади и прошло «надлежащее» количество времени, люди ожидают, что ты продолжишь жить. Вставать утром, одеваться, чистить зубы, ходить на работу. А это кажется невозможным.

Мои родители были добры. Я знаю, что они разочарованы, убиты горем, я знаю, что им стыдно, отчаянно стыдно. Они хорошо это скрывают. Я собираюсь поехать и погостить у них, как только помогу Лайле обосноваться у ее матери. Я

не могу оставить ее одну.

На прошлой неделе меня навестил Ронан. Он тоже был очень добр. Он привез мне кое-что: фотографии, коллекцию виниловых пластинок Конора, вещи, которые, по его мнению, Конор хотел бы отдать мне. Это было невыносимо. Мне хотелось, я просто жаждал, чтобы он меня ударил, сжал руки в кулаки и ударил меня и продолжал бить, пока ничего бы не осталось.

Мы пошли выпить пива в «Грейхаунд». Когда он прощался, то пожал мне руку, похлопал по спине и сказал: «Можно, я буду тебя навещать?» Если бы я в тот момент закрыл глаза, если бы просто слушал его голос, его интонацию, я мог бы поклясться, что это Конор. Ничто в этом мире не могло бы убедить меня в ином. Я ничего не смог сказать, я просто повернулся и ушел.

Каждую ночь я проигрываю это у себя в голове. Все, что сделал, чего не сделал, каждое неверное решение. Я бы отдал жизнь, чтобы все это вернуть.

Я не знаю, где ты. Пожалуйста, возвращайся.

Я так скорблю.

С любовью,

Эндрю

P.?S. Нат очнулась. Она вышла из комы десять дней назад и сейчас нормально говорит, и нет признаков повреждения мозга. Врачи по-прежнему не могут сказать точно, обретет она или нет полный диапазон движений. Она спрашивает о тебе. Ей приснилось, что ты пришла ее навестить. Я сказал, что ты приходила, пока она была без сознания. Возможно, ты с ней говорила? Возможно, она могла тебя слышать.

Глава пятая

Эндрю лежал на боку, уставившись на веснушки на шее Натали, как раз под линией волос. Она лежала к нему спиной, лицом к окну. Шторы были задернуты, но яркое серебро солнечного света, сочась через щель между портьерами, падало на кровать, на плечо Натали, освещая кончик шрама, который начинался у основания шеи и тянулся до середины спины, параллельно позвоночнику. Он хотел до нее дотронуться, но не посмел. Не хотел будить. Он допускал, что она все еще спит, – и надеялся, горячо надеялся на это, хотя сомневался, что можно спать при таком шуме.

По другую сторону стены, за изголовьем их кровати Лайла и ее бойфренд громко и увлеченно занимались сексом. Прошло уже некоторое время, как они начали, но Эндрю был совершенно уверен, что они еще не скоро закончат. Прошло уже больше пятнадцати лет, как Эндрю в последний раз слышал звуки, издаваемые Лайлой во время секса, но он их помнил и знал, что сейчас ей еще далеко до конца.

Делу не помогало то, что, не считая экстатических криков Лайлы, дом был погружен в совершенную тишину. Ни пения птиц, ни дорожного движения, ни самолетов над головой, ни полицейских сирен. Весь мир был окутан и заглушен снегом. Эндрю отчаянно хотелось заткнуть уши пальцами, чтобы заглушить ор, но он не отваживался шевельнуться, потому что тогда Натали будет точно знать, что он не спит и что они оба некоторое время лежат, слушая звуки такой страсти и такого возбуждения, каких они теперь, похоже, не способны испытывать вместе, а ему не хотелось так ее огорчать. Он хотел, чтобы она могла притворяться, что тоже спит.

Потом пошли стоны. Он был уверен, что это не Лайла, что это ее бойфренд, и это было даже хуже. Это был отвратительный, гортанный, животный звук, нечто между болью и наслаждением, и Эндрю не смог выносить его больше ни секунды. Он откинул одеяло, выскочил из кровати, схватил свою фуфайку, которая по какой-то причине висела на стуле рядом с дверью, и удалился как можно быстрее, не глядя на жену.

Внизу Дженнифер, одетая в джинсы и объемистый, похожий на пончо джемпер, с повязанным поверх него фартуком, стояла у плиты и жарила сосиски, одновременно слушая радио, которое играло какую-то жуткую французскую попсу, и подпевала, тихо и фальшиво. Какое-то время он просто стоял у подножия лестницы, наблюдая за ней. Смотрел на волосы цвета воронова крыла,

длинные и блестящие, вьющиеся у нее по спине, на линию шеи, на бледную, кремовую кожу, такую же юную, как ему помнилось. Она по-прежнему была так прелестна. Джен бросила взгляд через плечо и заметила, что он на нее смотрит.

– Вкусно пахнет, – сказал Эндрю, большими шагами входя в кухню.

Джен положила вилку, которую держала в руке, и повернулась к нему, чтобы поприветствовать, чуть склонив голову набок и улыбаясь, отчего на левой ее щеке появилась глубокая ямочка. Он хотел было ее обнять, но не обнял, а просто застыл, переполненный сильнейшим приливом счастья в сочетании с чувством сожаления, таким мощным, что оно комом застряло в горле. Ему пришлось отвернуться.

По другую сторону кухонной стойки был стол, квадратная плита бледного ясеня, твердая, как мясницкая колода. Он устоял на нем, сделал шаг вперед, провел пальцами по гладкой поверхности. Почувствовал на себе взгляд Джен. Обернулся, и оба они улыбнулись.

– Привет, старший брат, – сказала она.

– Привет, сестренка.

Джен вытерла руки о фартук, подошла к нему и обвила его руками. Они долго стояли так, обнявшись. Привычка называть друг друга братом и сестрой появилась у них еще в университете – глупая шутка, их способ подразнить Конора, у которого на какой-то момент появился страх, что его лучший друг и его девушка стали чересчур близки.

Она разжала объятия.

– Будешь кофе? – спросила она. – Яичницу, сосиски?

– Да, буду все.

– Отлично. По-прежнему пьешь черный?

– Вообще-то стыдно признаться, но теперь я больше пью травяной чай, чем кофе, но кофе выпью любой.

Она рассмеялась.

– Травяной чай? Боже милостивый, что она с тобой сделала?

Он тоже засмеялся, но наступившая затем тишина была неловкой, неназванная «она» нависла в воздухе.

Джен поставила кофе на поднос перед ним. Он отпил глоток; кофе был крепким и горьким, от него кожу будто иголками покалывало. И на вкус он был замечательный, как сигареты и дешевое красное вино; это был вкус молодости. Он сунул руку под столешницу, провел пальцем по бороздкам с обратной стороны, витиеватым буквам. Указательный палец не без труда разобрал вырезанное имя. Дженнифер. Это было ее место.

– Что ты будешь делать с этим? – спросил он, поднимая взгляд на Джен. – Со всей мебелью? Когда продашь дом?

– Зависит от того, кому я его продам. Наиболее вероятно, что это будет летний дом, так что, как мне видится, будущие владельцы захотят сохранить большую часть мебели. Впрочем, кресла и диван, вероятно, придется вывезти. – Она либо не понимала, о чем он спрашивает, либо намеренно игнорировала это.

– Тяжело, наверное, думать о продаже дома? – спросил он, по-прежнему мягко и осторожно, бродя вокруг да около темы.

– Тяжелее здесь жить. – Она на время прекратила готовить завтрак, вытерла руки, выражение лица ее было напряженным. – Думаю, со временем я бы снова его полюбила. Думаю, полюбила бы. Но есть обстоятельства, – сказала она таинственно, – которые достаточно давно препятствуют тому, чтобы я здесь осталась и это проверила.

Эндрю на миг представил себе что-то зловещее, ситуацию в духе фильма «Жан де Флоретт», как кто-то пытается изгнать незваную английскую гостью.

– И мне страшно. Мне страшно, когда я здесь.

Вот это было уже на самом деле что-то зловещее, в этом он был уверен.

– О, не смотри так! – сказала она, улыбнувшись. – Ничего ужасного. Просто здесь одиноко. По ночам пробирает дрожь, когда ты одна – все скрипит, и ветер воет, и место такое уединенное. Я лежу в кровати и думаю, как меня можно изрубить топором на кусочки и никто не услышит моих криков. – Она опять засмеялась, и он тоже; было невозможно не поддаться, ее смех был как музыка. – Думаю, если бы я осталась здесь, то кончилось бы тем, что я превратилась бы в Джека Николсона из фильма «Сияние», которому везде мерещились жуткие покалеченные дети.

– Это его сыну.

– Как?

– Его сын видел жутких близняшек. А сам он спятил и пытался всех убить. И сочинял книгу, которую можно охарактеризовать как очень скучную.

– О да. Одна работа, без забавы... – Джен выбрала с крючка над стойкой самый большой и убийственный с виду нож и замахнулась им в его сторону. – Теперь ты знаешь, зачем я на самом деле пригласила вас сюда...

Из-за угла послышался негромкий звук, кто-то деликатно кашлянул. Джен быстро положила нож и прекратила смеяться. Эндрю наклонился вбок, чтобы посмотреть, кто там, и увидел Натали, рядом с ней стоял чемодан, вид у нее был отнюдь не веселый.

– О, здравствуй, милая, – поздоровался он. – Иди выпей чашку кофе.

Она не тронулась с места.

– Молоко и сахар, Нат? – спросила Джен.

Натали прикрыла рукой глаза.

– О'кей, – ответила она. – Но только если наспех проглотить. Нам с Эндрю нужно двигаться.

– Нат, – умоляюще проговорила Джен. – Пожалуйста, останься.

– Нет, Джен. Не в этих обстоятельствах. Неужели ты не видишь, что это нечестно, что ты заманила нас сюда обманом...

– Это уже перебор, – сказал Эндрю и почти тотчас пожалел об этом. Натали повернулась к нему и, всплеснув руками, покачала головой.

– Какой сюрприз. Ты принимаешь ее сторону.

– Тут нет никаких сторон, Нат. Я просто думаю, что если уж мы тут...

– То можем насладиться воссоединением? Нет. Я не хочу воссоединения. Я не хочу ударяться в воспоминания. Я приехала сюда ради тебя, Эндрю, потому что ты хотел приехать, но приехать сюда и обнаружить, что нам лгали...

Джен подошла к ней и взяла руки Натали в свои. Сначала Нат пыталась вырваться, потом сдалась.

– Прости меня, Нат. Я была не права. Сама не могу поверить, что так поступила. После того как я это сделала, я все время пыталась придумать способ сообщить тебе, что Лайла тоже будет здесь, но так, чтобы ты не отменила свой приезд. Я смалодушничала. Я подумала, что когда вы сюда приедете и всех увидите, как только окажетесь здесь, в доме...

– Что мы тебя простим. Что ж, ты была наполовину права.

– Останьтесь на обед. Вы должны остаться на обед.

– Мы ничего не должны...

– Нет, придется. Ты выглядывала в окно? – Они одновременно повернулись и посмотрели в окно, где девственный снег лежал в несколько дюймов толщиной на карнизах и на лужайке. – Прошлой ночью выпал, должно быть, фут[6 - Фут -

мера длины, равная 30,5 см.] снега. Вам не удастся никуда выехать ближайшие несколько часов. В деревне есть снегоуборщик, он обычно чистит дорогу, но это будет не раньше середины дня. На данный момент вы здесь застряли. Извините.

Натали прокашлялась. Вздохнула.

– Могу я тогда воспользоваться твоим домашним телефоном? – Ее голос звучал напряженно, как если бы кто-то давил ей на горло. – Или Интернетом? У тебя есть доступ в Интернет? Мой телефон не ловит сигнал, а я хочу связаться со своими дочерьми.

– Конечно. Телефон наверху, а в моей комнате есть ноутбук. – Когда Натали повернулась, чтобы идти наверх, Джен бросила на Эндрю беспокойный взгляд, виновато пожала плечами и чуть улыбнулась.

Он не стал обострять ситуацию. Он знал, о чем думает Джен. Всегда ли Нат так взвинчена? Всегда ли у нее такой тяжелый характер? Нет, не всегда. Да и сейчас дело было не в характере. Все было гораздо сложнее. С Нат дело обстояло так, что пришлось научиться считывать знаки. Любой другой, глядя на нее, на чопорность ее движений, на то, как она стоит, скрестив на груди руки, подумал бы, что она зажата, отстраненная, закрытая. Посторонний человек услышал бы ее голос и, уловив в нем эту напряженную ноту, решил бы, что она вот-вот закатит скандал.

Но Эндрю услышал не сетование, он услышал боль. И увидел – по тому, как она повернулась, чтобы заговорить с ним, по тому, как повернула целиком корпус, а не одну только голову, – что спина беспокоит ее больше, чем обычно. Она держала руки скрещенными на груди, чтобы напоминать себе, что надо стоять прямо, потому что это ослабляет напряжение в позвоночнике и немного облегчает боль. Что надо было понять в Натали, так это что она жила с постоянной болью. Некоторые дни были хуже других. Но чего никто не осознавал, так это того, что она была самым отважным человеком, какого Эндрю знал.

Поэтому, когда Натали заговорила о «своих дочерях», он не стал заострять на этом внимание. Когда она направилась вверх по лестнице, чтобы попытаться им позвонить, он улыбнулся Джен и сказал:

– Все будет в порядке. Когда она поговорит с девочками и что-нибудь съест, сразу почувствует себя лучше. Спина, понимаешь?

– Знаю. Некоторые дни хуже других.

Значит, он говорил ей это раньше. Должно быть, писал в письмах, он не помнил, чтобы говорил ей это с глазу на глаз. Было всего ничего случаев, когда он мог ей это сказать; за последние шестнадцать лет они виделись всего пару раз. Да, всего два раза после похорон. Эндрю и Натали однажды навестили ее в Париже, когда девочкам было лет пять-шесть, а Джен жила тогда со своим мужем, преподавателем колледжа, «не от мира сего», который по возрасту годился ей в отцы. Они также коротко виделись, когда умер отец Джен. Но они не были на свадьбе Джен, а Джен не была на их свадьбе. Ее не было с ними, когда родились их дети и когда их крестили, не было на его сороковом дне рождения. Он приглашал, но Джен не нравилось возвращаться в Англию, и в этом она была очень упряма, а Натали ненавидела путешествовать. Через какое-то время он грустно смирился с тем, что его отношения с Джен будут поддерживаться через письма.

Джен поставила перед ним тарелку яичницы с сосисками.

– Надеюсь, ты сможешь убедить ее остаться, – сказала она. – Прошло так много времени, Эндрю. Мы слишком долго не виделись.

Быть может, дело было в желании оградить Натали, а может, просто игра кофеина в крови сделала его легкомысленным и покладистым, но он подавил в себе побуждение выпалить: «А чья это вина, Джен?» Вместо этого он спросил:

– Как давно ты здесь живешь? Ты действительно живешь здесь или по-прежнему обитаешь в Париже? Здесь у тебя просто отпуск? – Все его вопросы сводились к одному: я ничего не знаю о твоей жизни.

Джен села напротив него, зажав обеими руками чашку с кофе и наклонив голову; при этом волосы ее падали вперед, так что он не мог разглядеть выражения ее лица.

– Я решила переехать обратно в Англию, – сказала она тихо. – Не хочу больше здесь оставаться. И я не имею в виду конкретно здесь, я имею в виду во

Франции. Что же касается этого дома, то я уже сказала. Он такой уединенный, это не то место, в котором... Словом, здесь одиноко. И повсюду, куда я ни посмотрю, в каждой комнате, на каждой стене, на каждой балке, дверной петле и дверной ручке, на столе, за которым мы сейчас сидим, присутствуют напоминания о том, как здесь было когда-то. Напоминания о том, что когда-то здесь было все что угодно, кроме одиночества, здесь были мы, и нас было много. – Она подняла на него взгляд и улыбнулась. – К тому же это непрактично. Так что я решила продать дом и переехать в Англию. И я хочу... – голос надломился, и она замялась. – Послушай, я знаю, что не заслуживаю этого, но я хочу снова войти в вашу жизнь. И хочу, чтобы вы стали частью моей жизни. Хочу познакомиться с вашими дочерьми... – Она подняла руку, чтобы не дать ему возразить. – Да, знаю, это несколько поздновато, но я все равно прошу. Я прошу вас меня простить.

1 января 1998 г.

Дорогой Эндрю!

Мне следовало сделать это давным-давно, я столько раз пыталась облечь в слова то, как я сожалею, что вот так уехала, что покинула вас. Но я не могу.

Моя мать пересылала мне письма, которые ты мне писал. Спасибо.

Я начинаю все заново. Пытаюсь начать заново. Другого пути я не увидела.

У меня все в порядке. Я сейчас живу во Франции, работаю в переводческом отделе одного из крупных рекламных агентств. Работа не то чтобы захватывающая, но интересная и по-настоящему напряженная. Думаю, поглощенность делом и сильная усталость хорошо на мне сказались. Когда я уезжала, то представляла себе, что буду отсутствовать всего несколько месяцев, а теперь я здесь уже полтора года и по-прежнему пытаюсь начать с нуля.

Я думаю, что правильно поступила, уехав, хотя понимаю, что ты можешь смотреть на это по-другому. Я все время думаю о тебе, и Лайле, и Нат, и Дэне. Я

думаю о вас, но не представляю, как бы я сумела снова быть рядом с вами, без него. Я не могу себе этого представить, одна мысль об этом вызывает во мне панику, и у меня перехватывает горло.

Моя жизнь здесь вполне отшельническая, и хотя я одинока, я не так уж против этого возражаю. Всю неделю я работаю, а по выходным хожу по магазинам и готовлю, но большей частью гуляю. Я чувствую, что знаю теперь в Париже каждый дюйм, каждый парк – от Люксембургского сада до Бют-Шомона, каждую мощенную булыжником улицу и каждый рынок. Когда-нибудь, когда все уляжется, я бы хотела показать их вам.

Я нисколько не удивилась, узнав, что вы с Натали теперь вместе. Думаю, что у вас с ней давно к этому шло, невзирая ни на какие обстоятельства. Мы все это видели, даже Лайла. Могу себе вообразить, как тяжело она это восприняла, но эта девчонка из тех, кто в жизни не пропадет. Она вас простит.

Если увидишь Дэна, передай ему, пожалуйста, от меня привет.

Надеюсь, ты не считаешь меня слишком эгоистичной. Должно быть, считаешь слабой. Не знаю, что на это сказать. Только каждую ночь я вижу один и тот же кошмар и каждое утро, проснувшись, обнаруживаю, что это правда.

Люблю тебя, дорогой друг. Мне тебя не хватает.

Джен

Глава шестая

Лайла молча стояла на ступенях лестницы, подслушивая. Она напряженно вслушивалась в то, что говорилось, стараясь разгадать настроение. До нее доносились голоса лишь Эндрю и Джен, больше ничьи. Джен говорила о продаже дома и переезде в Англию. О боже, может, она умирает? Впрочем, она не похожа на умирающую. У нее вполне цветущий, рубенсовский вид. Лайла на цыпочках спустилась еще на несколько ступенек. Сейчас Джен извинялась перед Эндрю.

За что? Вряд ли только за то, что пригласила его, не сообщив полный список гостей. Вероятно, она говорила о прошлом. О том, как она уехала. Да, конечно, это было довольно бездушно, но Лайла и сама могла поступить точно так же, будь она на месте Джен. Просто удрать, начать все с нуля. Нет ничего хуже, чем бесконечное препарирование и пережевывание прошедших событий. Лучше засунуть все это куда-то подальше и забыть. Лайла сомневалась, что Эндрю это поймет. Его реакция на переломные события была противоположной: он любил исследовать все до мельчайших подробностей, словно таким способом можно было отыскать некий глубокий смысл.

Она решила выскочить на улицу, выкурить сигаретку, перед тем как встретиться с остальными. Задевая полами красного шелкового халата о каменные стены, она бесшумно прокралась мимо входа в кухню, подняла тяжелый засов на входной двери и выскользнула на снег.

От холода у нее перехватило дыхание; такое ощущение, будто в лицо ей выплеснули ведро ледяной воды. Было светло почти до боли в глазах, солнце, отражаясь от снега, ослепляло. Она пожалела, что оставила темные очки наверху, пожалела, что не оделась как следует, прежде чем выходить сюда: легкое белье, тонкий слой шелка и сапоги-угги были недостаточной защитой от холода. Тем не менее она закурила, глубоко затянулась и впервые с момента прибытия почувствовала, что приехать сюда было хорошей идеей.

Она не слишком об этом задумывалась, но если бы ей вдруг сказали, что Французский дом продан и она уже никогда туда не вернется, ей стало бы грустно. Она бы пожалела, что уже никогда не сможет постоять на этой ступеньке и посмотреть на просторную лужайку перед домом, на каменную стену и то, что за ней. Этот вид что-то включал у нее внутри. Нет, не так – находиться здесь было все равно как приподнять какое-то покрывало; это позволяло ей еще раз ясно увидеть вещи, давно затуманившиеся. Это возвращало фрагменты воспоминаний, что-то похожее на эхо, мерцающие образы, немое кино на стене.

Она вспомнила, впервые за все время, какую-то ссору с Эндрю. Что-то незначительное, что-то смехотворно мелкое, кажется, она переключила радио на волну «Мелоди FM», тогда как он хотел слушать новости. Ссора разрослась, и в конце концов Лайла, надувшись, протопала вверх по лестнице, бросилась на кровать и укрылась с головой. Ей хотелось оказаться где-нибудь в другом месте. Ей надоел этот дом, надоела неослабевающая жара, пыль и паутина и чертова

изнурительная работа. Ей хотелось оказаться в Жюан-ле-Пен на Антибе, куда она ездила вместе с матерью, когда была моложе, до того, как кончились деньги. Хотелось очутиться на частном пляже у отеля «Бель Рив». Неужели им обязательно проводить все лето в этом месте, неоплачиваемыми работниками папаши Джен.

Раздался тихий стук в дверь.

– Пошел вон! – завопила она.

– Лайло? – Это была Натали.

– Извини, Нат, – крикнула она, не снимая с головы простыни. – Думала, это тот засранец.

Натали тихонько толкнула дверь.

– Не сердись. Ты же знаешь, каким он становится, если не может получить свою порцию ежедневных новостей.

Лайла простонала.

– Мне здесь осточертело. Неужели мы не можем поехать куда-то еще? – Она стянула с головы простыню и села в кровати. – Я знаю! Давай уведем машину Эндрю и поедем на море.

– Лайла, мы не можем этого сделать...

– Можем! Только на день-другой. Искупаемся в Средиземном море, подцепим сексуальных французских мальчиков... Мы этого заслуживаем!

Натали забралась на кровать рядом с ней, тоже залезла под простыню и натянула ее им на головы, на манер палатки.

– Мы не можем этого сделать. И ты не хочешь подцеплять французских мальчиков, ты просто рассержена.

Лайла перевернулась на бок и обхватила Натали рукой.

– Неужели тебе иногда этого не хочется? Побывать где-нибудь еще?

Натали тоже улеглась на бок, так что они оказались лицом друг к другу, чуть не соприкасаясь носами.

– Мне здесь хорошо.

Нат пошла в соседнюю комнату и конфисковала из портсигара Дэна косяк. Они сидели на кровати и курили, а потом Нат решила, что, поскольку Лайла была лишена радостей радио «Мелоди FM», она споет французские поп-песенки, чтобы ее подбодрить. Они лежали на кровати и все смеялись и смеялись, пока слезы не потекли из глаз, пока не начали ловить ртом воздух. Вдруг, ни с того ни с сего, Нат подскочила и стала выбираться из постели. Она почти добралась до двери, а затем остановилась и чуть наклонилась, соединив коленки, ее лицо сделалось темно-красным.

– Нат? Что с тобой? Ты что, описалась?

Сейчас, семнадцать лет спустя, Лайла стояла на пороге дома и в голос смеялась. Она выбросила окурок в снег, и ей вдруг отчаянно захотелось вбежать в дом и сказать: «Вы помните, как Нат описалась?» Но она, конечно, не могла этого сделать, потому что поклялась под страхом смерти никому об этом не рассказывать, поэтому единственными людьми, которые знали об этом, были Нат и она сама. И у нее было такое чувство, что Нат уже больше не сочтет это смешным.

Холод пробирал насквозь. Она толкнула входную дверь и прокралась обратно.

– Доброе утро, – сказала она, просовывая голову в дверь кухни. – Кофе здесь дают?

– Лайла! Господи. Ты же вся посинела, знаешь об этом? – Джен была в ужасе. – Ты что, была на улице? Кажется, я слышала, как дверь открывалась – какого черта ты там делала? – Джен схватила ее за руку и потащила к дровяной печке. – Сядь здесь. Я налью тебе кофе.

Лайла позволила усадить себя ближе к огню, сверкнув в Эндрю своей фирменной улыбкой непослушной маленькой девочки.

– Выходила покурить, – подмигнула она ему. – Как ты, Дрю? Выглядишь измотанным.

– Спасибо, Лайла. А ты выглядишь... замерзшей.

Лайла села и скрестила ноги, позволяя халату соскользнуть с бедер. Посмотрела на Эндрю из-под полуопущенных ресниц.

– Ой, да ладно. Я выгляжу лучше, скажешь, нет?

Он нетерпеливо тряхнул головой, как если бы имел дело с капризным ребенком, но она заметила краску, заливающую ему шею, а потом и лицо.

Несмотря на стычки по поводу радиостанций, они были очень счастливы здесь, она и Эндрю. Да, ей иногда хотелось сбежать на Ривьеру пить коктейли и хоть изредка ходить на танцы, но большую часть времени она была довольна, работая над домом и над своим загаром, играя в волейбол на лужайке, занимаясь любовью с Эндрю жаркими часами в спальне наверху; оба были подтянутые и бронзовые от загара, настолько спортивные, насколько можно себе представить. Глядя на него сейчас, сидящего, немного погрузневшего, с ссутулившимися плечами, с чуть излишне тяжелой челюстью, она могла бы испытать шок: контраст с прежним Эндрю был разительным. Но Лайла не испытала шока, потому что и седина, и изнуренность, и покатоность плеч – все это произошло не за двадцать лет. Все это произошло практически в одночасье, и она была этому свидетельницей.

Дэн и Нат вошли в кухню с противоположных сторон (Дэн из двери черного хода, Нат из холла), но практически одновременно. Лайла улыбнулась Натали, которая ее проигнорировала и, подойдя к Эндрю, заговорила с ним приглушенным голосом. Лайла шумно вздохнула.

– У тебя есть томатный сок, Джен? Я мечтаю о «Кровавой Мэри». Дэн? Не соблазнишься?

Дэн пожал плечами, потом кивнул. Его покрасневшие глаза были лишь наполовину открыты, судя по виду, выспаться ему не удалось.

– «Кровавую Мэри», Джен? – Та отказалась. – Как насчет вас двоих? – спросила Лайла, адресуясь к Эндрю и Натали.

Натали подняла на нее взгляд, лицо ее ничего не выражало, рот был сжат в тонкую линию.

– М-м-м... – промычал Эндрю.

– Нет, спасибо, всего достаточно, – сказала Натали. Ничего. Ни малейшего проблеска эмоций.

Лайла опустила взгляд и с полуулыбкой через плечо посмотрела на Эндрю.

– Ты уверен, Дрю?

Она заметила, как сжались челюсти Нат, но сама Нат ничего не сказала. Лайла была немного разочарована, она подумала, что эта ее выходка должна была попасть в цель. В конце концов, никто, кроме Лайлы, никогда не называл его Дрю: для остальных он всегда был Эндрю. Придется нажать посильнее.

– Да ну же, – сказала она, улыбаясь шире. – Ты же знаешь, что хочешь. – Она встала, чтобы приготовить коктейли. Почувствовала, как Натали сверлит ей взглядом спину, и адреналин в крови начал прибывать.

Лайла перевела свое внимание на Дэна, который смотрел на нее несколько нервно. Было понятно, он думает о том, что она сказала накануне. Он задавался вопросом, собирается ли она снова действовать ему на нервы. Вручая ему его коктейль, она сладко улыбнулась.

– Хорошо спал, малыш?

– М-м. Да, прекрасно, спасибо. – Он выглядел озадаченным, чего она и добивалась. Ей надо было выбить его из седла, спутать ему карты. Начать с уколов, затем перейти на ласку. Что-то вроде флирта. Именно таким способом

можно получить от них все, что хочешь. Она села рядом с Дэном, прямо напротив Эндрю, по диагонали от Натали. Джен суежилась вокруг них, принося еду, разливая кофе. Огонь потрескивал, солнце светило. Лайла подняла свой бокал.

– Ваше здоровье, – сказала она с улыбкой. – Действительно приятно снова всех вас увидеть.

Они чокнулись. Лайла наслаждалась слегка смущенными и озадаченными выражениями их лиц.

– А твой... э... Зак не будет с нами завтракать? – спросила ее Джен, ставя в центре стола большой кувшин апельсинового сока.

– Он еще в постели, – ответила Лайла. – Пусть спит, – продолжала она, с напускной скромностью потупив взор. – Думаю, я его изнурила. – Она бросила взгляд на Эндрю и улыбнулась.

Щеки Эндрю опять покраснели. Натали завела глаза к потолку и выдохнула сквозь поджатые губы.

Впрочем, Лайле было недостаточно ее заведенных кверху глаз и раздраженного вздоха. Она хотела, чтобы Натали что-то сказала, как-то отреагировала. Подошла бы любая словесная реакция, даже яростная. Она просто не могла вынести вот это: молчание, ощущение, что тебя игнорируют, полную отчужденность. Даже вчера вечером, когда Натали рассердилась, она рассердилась на Джен, она общалась с Джен. У Лайлы было ощущение, что единственное, чего хочет от нее Натали, это чтобы она уехала.

Было время, когда они с Нат жили жизнью друг друга, делили каждую радость и неудачу, заканчивали друг за друга фразы, понимали друг друга с полуслова. Они часами разговаривали допоздна, планируя свое восхитительное будущее. Они собирались вместе снять квартиру в Лондоне; Нат стала бы работать над своим романом, Лайла, держа в голове образ Сэм Джонс[7 - Персонаж телесериала «Секс в большом городе»], сколотила бы себе состояние в области связей с общественностью. Они собирались поехать на Дальний Восток, в Южную Америку, проехаться по Соединенным Штатам или Австралии. Иногда к ним присоединялся Эндрю, иногда он любопытным образом отсутствовал. Такие

планы были у них до крушения. До.

14 января 1996 г.

Электронное письмо Натали Лайле

Привет, Лайло!

Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше. Я решила тебе написать, потому что, похоже, у нас не получается связаться по телефону.

Я беспокоюсь. Это на тебя не похоже. Не показываться, когда мы договорились встретиться, и не отвечать на мои звонки.

Я знаю, ты сказала, причина не в каком-то моем поступке, но я не могу отделаться от чувства, что виновата я. Почему бы иначе ты не хотела со мной разговаривать? Ты всегда со мной разговариваешь. Порой даже тогда, когда я этого не хочу!

Я знаю, тебе неприятно из-за офисной вечеринки, но не бери в голову. Все на таких сборищах ведут себя как идиоты. Не надо так расстраиваться. Уверена, ты была не самой худшей.

Я тут подумала, может, нам вместе заняться в январе своим здоровьем. Я громадная (134 фунта[8 - Фунт – единица массы, равная 0,454 кг.]! А-а-а-а!), и мне бы очень пригодился сподвижник по фитнесу. Мы могли бы некоторое время воздерживаться от алкоголя, есть здоровую пищу, делать пробежки... Это будет весело. Ладно, это будет ад, но мы найдем способ превратить его в веселье.

Люблю тебя,

Нат

15 января 1996 г.

Электронное письмо Лайлы Натали

Привет, родная. Пишу наспех, с ужасного бодуна, стараясь не встречаться взглядом с коллегами, так как вчера вечером меня повело не в ту сторону. Опять. Я знаю. Скверная, скверная Лайла. Ни за что не стану я трезвенницей в ближайшее время. Скорее умру. Созвонимся.

Лайло

15 января 1996 г.

Электронное письмо Натали Лайле

Лайла, опомнись. Ты должна разобраться с этим, ты не можешь так продолжать. И я не хочу знать, не хочу слышать таких вещей. Эндрю мой друг, ты прекрасно знаешь, как хорошо я к нему отношусь. Не обращай с ним так. Зайдешь сегодня вечером? Проведем тихий вечер дома, поболтаем немножко.

Нат

17 января 1996 г.

Электронное письмо Лайлы Натали

Привет. Извини, что не пришла к тебе, тут полно дел. Не психуй! Когда я говорю, что меня повело не туда, я имею в виду не то, что ты думаешь. Просто небольшой глупый флирт, а потом, на следующий день я чувствовала себя идиоткой. Все одно и то же. Да, я знаю, как ты любишь Эндрю. Я тоже его люблю, но боже мой, Нат. Мне надо поговорить с тобой, потому что дела идут

скверно и я не знаю, как мне поступить. Когда я думаю об этом на трезвую голову, мне кажется, это может закончиться. Давай встретимся. Ты свободна во вторник? Я иду на коктейльную вечеринку в Сохо, но мы могли бы придумать что-то после этого.

Лайло

17 января 1996 г.

Электронное письмо Натали Лайле

Ты сама не знаешь, что говоришь, Лайло. Это не кончается.

19 января 1996 г.

Электронное письмо Лайлы Натали

Нат, я должна отменить нашу сегодняшнюю встречу. Извини, извини, извини. Вчера очень поздно закончили, чувствую себя совершенно истрепанной, должна поспать. И ты права, я сама не знала, что говорю. Я так нуждаюсь в нем именно сейчас, иногда я чувствую, что он единственный для меня надежный якорь.

Лайло

Глава седьмая

Джен была не уверена, что «Кровавая Мэри» – такая уж хорошая идея. Она была не уверена, что алкоголь до обеда – вообще хорошая идея, но в такой нестабильной ситуации он почти непременно должен был вызвать

неприятности. Конечно, если только не служил для того, чтобы сгладить трения. Пока было трудно сказать. Лайла была странно обворожительной с Дэном, с которым так резко поцапалась накануне, и предсказуемо неуживчивой с Нат, явно стараясь действовать ей на нервы, флиртуя с Эндрю. Пока что Натали, сжав губы, хранила величественное молчание, но Джен чувствовала, что долго так не продлится.

Надо было их чем-то отвлечь. Джен требовалось перехватить у Лайлы инициативу в разговоре. Она села за стол, долила всем кофе и прокашлялась, как бы собираясь произнести речь. Все выжидательно посмотрели на нее.

– Я понимаю, что вы все должны посчитать странным мое внезапное побуждение снова собрать вместе нашу старую компанию. Это и впрямь странно. И, конечно же, дело не только в этом доме. Мне трудно объяснить, но я хотела извиниться перед вами, перед всеми вами. – Говоря это, она смотрела на Эндрю. – Я никак не ожидала, что все так обернется, никак не хотела, чтобы мое отсутствие стало таким долгим. – Эндрю накрыл ее руку своей, но она не подняла взгляд, ей нужно было договорить. – Когда я уезжала, я думала, будет лучше, если я просто на время оторвусь. Не только от вас, а от Лондона, от Англии, от всего, чего он касался, от всего, где мы были вместе. Я собиралась вернуться. Но только я застряла. Это трудно объяснить. Кажется, я это уже говорила?

Она обвела взглядом их лица. Все с пристальным вниманием следили за ней, причем на лицах были написаны разные выражения: от участливого до насмешливого.

– Вы считаете это нелепым. Да, это звучит эгоистично. – От Джен не укрылось выражение глаз Натали, молчаливое согласие с ее последними словами. – Я просто хотела перед вами извиниться. За то, что сбежала. За то, что изменила все к худшему.

Какое-то время стояла тишина, а потом заговорила Лайла:

– Так что же произошло? Мы слышали, ты уехала в Ирландию, погостить у матери Конора. И, честно говоря, это не очень похоже на то, что ты удалилась от всего, чего он касался.

– Это было всего на несколько недель, Лайла. После этого я вернулась к своим родителям, а затем получила работу в Париже, и тогда это казалось идеальным вариантом. Я могла бы уехать на полгода, на год, вновь обрести присутствие духа и вернуться обратно. Мы могли бы опять сойтись, опять быть вместе.

– Но только ты не вернулась. – У Дэна опять был тот самый вид, то выражение холодной отстраненности, словно он наблюдал за ней с некоторого расстояния.

– Как я уже сказала, я застряла. История, которую я написала для себя, о том, что случилось с нами, с Конором, о том, как я собиралась с этим жить, как справляться, она сделалась реальной, словно зажила собственной жизнью. Она завладела мной.

– Но ты все-таки вырвалась из этой истории, верно? – сказала Натали. – Ты вышла замуж за Жан-Люка, построила собственную жизнь.

– И это не сработало. Было ощущение, что я на неверном пути, как будто отклонилась от правильного. И это было несправедливо по отношению к нему. Он был хорошим человеком, а я сделала его несчастным. Так что брак закончился, и я попыталась начать сначала. – Она беспрерывно поворачивала в руках кофейную чашку. – Был еще некто. Я встретила еще одного человека много лет спустя после Жан-Люка. Его звали Николя. Тогда это ощущалось по-другому, ощущалось как впервые что-то настоящее после Конора. – Пальцами правой руки она провела по поверхности стола, до самого угла. – Помните то великое торжественное открытие? – спросила она их. Дэн удивленно посмотрел на стол.

– Это что, он? Стол Конора? Он до сих пор здесь? Господи, до меня не дошло...

– Он работал над ним все лето, – сказала Нат. Теперь она тоже принялась щупать пальцами деревянную поверхность. – Предполагалось, что это секрет, только все мы догадались, кроме Джен.

– И нам всем приходилось изображать удивление, когда он его обнародовал, – подключилась Лайла. – Но было совершенно очевидно, что все мы знаем, что это такое, мы были никуда не годными актерами.

– Но мы не знали, что находится на обратной стороне столешницы, – сказал Эндрю.

Все дружно съехали вниз со своих стульев, скрючились под столом и, выгнув шею под неудобными углами, стали пытаться разглядеть резьбу на нижней поверхности столешницы. Да, по краям были написаны их имена: Дженнифер Донливи, Эндрю Муркрофт, Лайла Льюис, Дэн Паркер, Натали Хьюсон, Конор Шеридан; а в центре значилось: «Вместе навсегда», и еще стояла дата: 21 августа 1995 г.

Эндрю стукнулся головой, выбираясь из-под стола. В его глазах стояли слезы, и Джен спросила себя, не ударился ли он нарочно, чтобы другие не заметили, что он плачет. Нат обняла его за плечи и поцеловала в щеку.

– Вы помните, – сказала она, – он оборудовал что-то вроде мастерской в том старом деревянном сарае. Не думаю, что он сохранился, а?

– Да, в какой-то момент его снесли, – подтвердила Джен. – Теперь вместо него новый, более современный.

– Он то и дело прокрадывался туда потихоньку, часто поздно вечером, и всегда ужасно злился, если кто-то пытался заглянуть внутрь.

– Мы называли этот его сарай домиком онаниста, – вставила Лайла, перехватывая взгляд Нат, и они вместе захихикали.

– Я помню тот вечер, когда мы внесли этот стол сюда, – сказал Дэн, поворачиваясь к Эндрю.

– И нам с тобой надо было нести эту штуку, как бы не догадываясь, что это такое. Мы оба перед этим напились пива, и ты уронил его на ногу Конору. Как же он взбесился! – Теперь уже все смеялись. – Скакал по заднему двору на одной ноге, ругаясь и обзывая нас идиотами и тупыми ослами...

– Он всегда начинал вести себя очень по-ирландски, когда злился, – улыбнулась Джен. – Но его вспыльчивость была как тропический шторм, правда ведь? Буря, ветер, гроза, а через пять минут уже все тихо.

– М-м-м. В отличие от некоторых людей. – Эндрю метнул в Нат косой взгляд, сопровождаемый кривой усмешкой.

– О боже, да! Уж эти ссоры, в которые ты ввязывалась с Конором... – принялась смеяться Джен.

– Ну, он всегда так любил покомандовать, – запротестовала Натали.

– Он? Покомандовать? – Теперь Эндрю и Дэн тоже смеялись, даже губы Лайлы дрогнули.

– А потом, после этого, ты часами дулась... – сказал Эндрю, обнимая Нат за плечи.

– Неправда! – раздраженно ответила она, но не оттолкнула его руку, и именно в этот момент Джен увидела, что затея собрать их всех вместе все-таки не обернулась катастрофой.

Она подлила гостям еще кофе, Лайла, тихонько напевая себе под нос, приготовила еще несколько коктейлей, но к тому моменту, когда снова села за стол, выглядела так, что вот-вот расплачется.

– Что такое, детка? – спросила Джен, протягивая руку и дотрагиваясь до ее щеки. Лайла взяла ее руку и задержала в своей.

– Я просто вспоминала, – сказала она, опять садясь за стол. – О боже. Ты помнишь, как он проделывал эту штуку в колледже... Это всегда меня убивает... – Она замолчала, но Нат знала, куда она клонит.

– С книгами, ты имеешь в виду? – На глаза у нее тоже навернулись слезы. – Записки, которые он имел обыкновение оставлять для Джен? – Лайла кивнула, шмыгая носом. – Он приходил и забирал у меня список книг на неделю, а потом шел в библиотеку и находил те книги, которые тебе, Джен, надо было читать, а затем оставлял в них маленькие записки для тебя в надежде, что ты возьмешь тот экземпляр, который он выбрал.

– И иногда так и получалось, – улыбнулась Джен. – Это делало хождение в библиотеку гораздо более интересным.

Когда Зак наконец спустился к завтраку, он застал их всех промокающими глаза. Джен быстро поднялась на ноги и принялась хлопотать вокруг него, накладывая еду. Когда же Зак спросил у Лайлы, что случилось, она просто промурлыкала: «Ничего, малыш» – и поцеловала его, и, похоже, его это удовлетворило. У Джен сложилось впечатление, что он был не самым лучшим из партнеров, но она могла понять, в чем состоит его привлекательность. Когда он зевнул и потянулся, его фуфайка задралась, обнажая кубики брюшного пресса, а под ними – четко обозначенные кости таза. Лайла перехватила ее взгляд, приподняла бровь и ухмыльнулась, а Джен засмеялась и отвернулась.

– Ты так и не досказала свою историю, – сказала Лайла. – О мужчине, которого встретила. В которого влюбилась. Почему он не присутствует на нашем счастливом маленьком воссоединении?

– Николя, – протянула Джен, обмахивая лицо рукой, делая вид, что это жар от печи залил его краской. – Ну, он оказался таким, сами знаете. Французским.

– То есть?

– Неспособным к верности. Не то чтобы совсем неспособным, просто считал, что верность – это нечто ненужное. Если можно так выразиться. Я мирилась с этим некоторое время, но в конце концов решила, что не могу. Я упаковала свои вещи и перебралась сюда. Я не знала, куда мне еще приехать. Это было пару месяцев назад. Но, приехав сюда, я поняла, что не могу здесь оставаться. Этот дом не может быть тем местом, где я начну все с чистого листа, он может быть только временным пристанищем.

– Почему? – спросил ее Эндрю. – Что не так с этим домом? Ты могла бы работать здесь как фрилансер, то есть... Я знаю, это эгоистично с моей стороны, но продавать этот дом?.. Как-то неправильно.

– Я знаю, как ты к нему относишься, Эндрю. Знаю. Но я не могу здесь оставаться. Это неподходящее место, чтобы растить ребенка.

Все ошеломленно застыли, перестали пить и уставились на нее.

– Ребенка? – переспросил Эндрю.

– Да, – ответила Джен, и на губах ее заиграла робкая, застенчивая улыбка. – Разве я не упоминала? Я беременна.

14 мая 1995 г.

Дж.

Я тут думал о ЖПВЭ (Жизни после выпускных экзаменов), и вот. Вот что, я думаю, нам надо сделать:

1.?Уехать из колледжа (очевидно).

2.?Переехать в Лондон, заработать немного денег.

3.?Поселиться вместе.

4.?Поехать на некоторое время в Азию. Таиланд, Вьетнам, ну ты понимаешь, в таком духе. Преподавать английский, принимать галлюциногены.

5.?Вернуться в Британию, заработать еще немного денег.

6.?Пожениться.

7.?Переехать во Французский дом. Я буду изготавливать красивые предметы мебели в амбаре. Ты будешь переводить на французский великие произведения литературы.

8.?Нарожать кучу детей.

Что ты думаешь?

Люблю тебя.

К.

P.?S. Наслаждайся «Немецкой идеологией»[9 - Философская работа К. Маркса и Ф. Энгельса.]. По мне, так это нечто убийственное.

Глава восьмая

Через двор, в переделанном амбаре, Дэн, понутив голову, сидел на расположенной на антресоли кровати. Он набрал номер Клодии. Звонок был переброшен на голосовую почту. Он спрашивал себя, поговорила ли она уже с мужем или, может, говорит с ним прямо сейчас? Он представил их себе в разгар скандала, слезы текут по ее идеально очерченным скулам, щекам и шее. В его воображении она выглядела невероятно красивой даже в самых напряженных обстоятельствах, включая расставание с мужем. Дэн никогда в жизни не встречался с ее мужем, тот никогда не приходил на съемочную площадку. Он надеялся, что у него не слишком вспыльчивый характер: он был директором какого-то благотворительного фонда. К тому же он был немцем, а значит, по правилам, у него в жилах должен быть лед. Но как на самом деле, кто знает? Дэн снова набрал номер Клодии, прослушал ее голос, низкий и хриплый, предлагающий, сначала по-немецки, а затем по-английски, оставить сообщение. Он не стал этого делать.

Дэн открыл свой чемодан, который не успел до конца распаковать накануне. Его костюмы уже висели в стенном шкафу. Он привез хорошие костюмы, от Пола Смита и Ричарда Джеймса (ему нравилось носить одежду английских модельеров, никаких Гуччи или Дольче и Габбана). Но дальше костюмов дело не пошло, со всем этим пивом, вином и обедом, разговорами с Лайлой и Натали. Его рубашки, смятые, остались лежать в чемодане.

Он спустился по лесенке вниз. Повесил куртку-пилот от «Эй-Пи-Си» из стопроцентной кожи ягненка на спинку стоящего в углу комнаты рабочего кресла и занялся своими туалетными принадлежностями, аккуратно выстраивая

их на полке в душевой: туалетную воду от Марка Джейкобса, чудодейственную маску с кислотами от «Рен», восстановительный шампунь от «Лаб сериес», кондиционер от «Керастаз», бритву «Жиллетт фьюжн».

Свое обмундирование для бега и кроссовки он оставил в чемодане; маловероятно, что ему удастся выбраться на пробежку в такую погоду. Обычно он придерживался нормы в пять миль ежедневно, минимум пять дней в неделю. В том бизнесе, которым он занят, каким бы нелепым это ни казалось, внешний вид имеет значение, даже если ты стоишь по другую сторону камеры. Поэтому он старался поддерживать форму. И он знал, хотя никто никогда ему этого не говорил, что выглядит сейчас лучше, чем в двадцать пять лет. Тогда он был таким худым, таким непрочным. Сейчас его костяк был по-прежнему узким, но на костяхросло мясо, мускулистое и жесткое. Его темные волосы начинали седеть, но ему это нравилось, его это устраивало, потому что придавало ему некую серьезность, которой всегда не хватало его лицу, бледному, моложавому и чуть веснушчатому.

Он услышал, как хлопнула дверь, раздался смех. Лайла со своим пиджаком рука об руку шагали по снегу к дровяному сараю. Дэнну хотелось бы знать, что, помимо очевидного, она находит в этом парне. И ему было интересно, что подумали бы они все о Клодии. Девушки почувствовали бы ревность, она была так молода, так неотразима. Но понравилась бы она им? Он не был в этом уверен. Она была красива и талантлива, страстна и эксцентрична, но не отличалась особой сердечностью. Она была из тех женщин, которые нравятся мужчинам и умеют с ними обращаться. Дэн снова потянулся к телефону, снова позвонил Клодии и снова выслушал сообщение автоответчика.

Он стоял перед французскими окнами и, прищурившись, смотрел на яркое солнце. Трудно в этом признаться, но он всегда предпочитал плохую погоду. Было что-то скучное в ярком солнечном свете. Тем не менее скоро все переменится; ветер набирал силу, собирались тучи, под стать мрачному настроению Дэна. Он старался убедить себя, что это ощущение беспокойства и несчастья связано исключительно с Клодией. Он сделал глубокий вдох, встряхнул руками, покрутил плечами, стараясь расслабиться. Надо вернуться в дом и чего-нибудь выпить. Было почти что Рождество, выпить с утра – нормальное дело. Но он не хотел возвращаться в дом, потому что это беспокойство... оно не было связано только с Клодией. Тот маленький укол страдания, который он ощутил, когда Джен говорила о своем муже... он точно знал, в чем тут дело.

Тысяча девятьсот девяносто шестой год. Ему было двадцать три года. Он встретил ее в Ричмонде, на вокзале. Он не знал точно, чего ожидать, но помнил даже сейчас, шестнадцать лет спустя, чувство волнения, напряжение в животе. Они спустились к реке и повернули налево, прошли под мостом и обогнули поле, полное карамельного цвета коров породы Джерси, с огромными, подернутыми влагой карими глазами. Была ранняя весна, зябко, погода менялась. Небо, хотя и голубое, имело бледный, морозный оттенок. Они немного поговорили об остальных, а затем, внезапно, Джен взяла его за руку и, встав перед ним на тропинке, сказала:

– Это не может случиться, ты знаешь, что нет. Я всегда была влюблена только в одного человека. И всегда буду. Я знаю, это кажется глупым, но мы действительно редкие птицы, два человека, которые предназначены друг для друга, только друг для друга. Вот такие мы, Конор и я. Я никогда не люблю никого другого.

Он справился с этим великолепно. Наклонил голову набок, улыбнулся и сжал ее в объятиях, приподнял и покружил, стискивая как можно крепче. Он не позволил ей увидеть, что больно задет. Не сказал ничего, что было бы ей неприятно, не дал ей почувствовать себя неловко. Не разозлился, ни в малейшей степени, потому что поверил ей. Он действительно ей поверил. Так было тогда, и он продолжал верить ей после, на протяжении всех этих лет, это помогало ему не думать о ней. А теперь он вдруг обнаруживает, что это все-таки было неправдой.

Она влюбилась. Она была замужем. Она выстроила себе другую жизнь, а сейчас собиралась родить ребенка. Ну так что? Чего он ожидал? Что она навсегда останется привязанной к прошлому? Или что когда-нибудь он получит свой шанс? Что когда-нибудь окажется достаточно хорош? Он почувствовал, как в горле у него рождается смех. Как все глупо. Какое это имеет значение? Это было миллион лет назад. Просто ему хотелось получить шанс. Только и всего. У него было ощущение, что он всегда упускал возможности, словно его попытки заполучить настоящее счастье всегда каким-то образом пресекались. Как если бы кто-то постоянно и несправедливо его ущемлял.

Но он-то думал, что с этим примирился. Выбрав Клодию, он признал, что у него не будет семьи, с ней не будет. Ее одной будет достаточно. Ему просто необходимо было поговорить с Клодией, услышать ее голос, знать, что они на правильном пути и что через пару дней начнется их по-настоящему совместная жизнь. Этого будет достаточно.

Он позвонил ей в очередной раз, выждал много гудков, и наконец она ответила.

– Что такое? – спросила она шепотом. – Сейчас неподходящее время.

– Он там?

– Да, он здесь, ясное дело. Мы дома.

– Как у тебя дела? Все в порядке?

– Прекрасно.

– Ты с ним поговорила?

– Нет еще. Жду подходящего момента.

– Я по тебе скучаю. – Молчание. – Клодия? Ты там?

– Я здесь, да.

Дэн не хотел этого знать, но по какой-то причине не смог удержаться и спросил:

– Ты с ним спала?

– Дэн!

– Да или нет?

– Я его жена и была с ним в разлуке пять недель. Как ты думаешь?

– Господи, Клодия.

– Послушай, мне надо идти. Он сейчас войдет, мы идем на обед. Просто... прояви терпение, о'кей?

Она дала отбой.

Дэн опустился в рабочее кресло, упер локти в колени и обхватил голову руками. Его мутило. Зачем она сказала ему про это? Зачем он спросил? Чертов идиот. Внезапно он рассвирепел; вскочил на ноги, схватил глупый маленький горшок с глупым маленьким лиловым цветком и собрался с силой швырнуть его о стену. Но вовремя остановился. Поставил горшок на место и тщательно замел под ковер высыпавшуюся землю. Уселся на пол, скрестил ноги и положил руки на колени ладонями вверх, соединив при этом кончик большого пальца с кончиком среднего. Закрыв глаза и сделал несколько вдохов и выдохов. Почувствовал себя немного лучше. Он попытался очистить сознание, забыть про здесь и сейчас, но тошнотворное чувство не уходило, и он не мог изгнать из головы картинку: голова Клодии откинута назад, белеет голая шея, и чье-то тело двигается поверх нее.

17 ноября 1996 г.

Дорогая Джен!

Я не знаю, дойдет ли до тебя это письмо. Эндрю говорит, что отсылает свои письма к тебе твоим родителям, но не уверен, пересылают ли они их тебе.

Прошло уже почти пять месяцев. Я ждал, понимая, что тебе понадобится время. Я знаю, ты, вероятно, хочешь, чтобы тебя оставили в покое. Но я не хочу, чтобы ты думала, будто я не думаю о тебе. Каждую минуту я спрашиваю себя, где ты и что делаешь. Придешь ли ты в себя и вернешься ли когда-нибудь обратно.

Я понимаю, почему ты уехала, но, пожалуйста, возвращайся.

У тебя нет причин чувствовать себя виноватой. Все это не твоя вина. Это моя вина, моя и Эндрю: это мы вели машины слишком быстро. Ужас состоит в том, что я избежал наказания. Во всяком случае, официального.

Эндрю не так повезло. Ему приговор будет вынесен в следующем месяце. С его юридической карьерой будет покончено. Хотя считают, что он избежит

наказания в виде лишения свободы. Нат поправляется. Она по-прежнему в доме у родителей, но теперь уже большую часть времени не в инвалидном кресле, что, я думаю, свидетельствует о серьезном улучшении. Она поговаривает о возвращении в Лондон, о возвращении на прежнюю работу. Лайлу я вижу редко. Думаю, дела у нее не слишком хороши. Трудно сказать, потому что она не желает говорить об этом. Впрочем, она не сильная. Не такая сильная, как ты.

Мы скучаем по тебе, Джен.

Я не могу знать, что ты чувствуешь, но знаю, что вперемешку со всем горем будет что-то еще, и знаю, что это связано со мной. Могу ли я извиняться, не чувствуя раскаяния? Но, Джен, я не могу раскаиваться в этом, хотел бы мочь, хотел бы сожалеть о том, что это вообще случилось, но не могу. Не могу заставить себя желать, чтобы этого никогда не случилось.

Пожалуйста, дай мне шанс помочь тебе, Джен. Помочь справиться. Я только прошу о шансе.

Возвращайся.

Дэн

Глава девятая

В доме кончились дрова, и Зак вызвался принести. Лайла ухватилась за возможность отправиться вместе с ним, выкурить сигарету и уйти от разговоров о младенце. Она никогда не умела источать восторги по поводу материнства. Зак сходил наверх за куртками, и, выйдя через черный ход, они направились, рука об руку, мимо амбара, вверх по холму, к дровяному сараю. Яркое солнце слепило глаза.

– Хочешь вернуться за темными очками? – спросил Зак.

– Все нормально, – сказала она, заслоняя глаза рукой. Они смотрели на купу деревьев вдалеке, посреди холма, за сараем. Внезапно Лайла застыла на месте.

– Что такое?

– Ничего, – ответила она и зашагала дальше. Просто на миг ей показалось, что она увидела, как кто-то движется за линией деревьев. Ее это напугало. Она поморгала, но там ничего не было. Никого. И все равно она почувствовала, что ей не по себе. Было что-то в этой роще, что-то пугающее и вместе с тем притягательное. Она чуть крепче сжала руку Зака; он повернулся к ней, улыбнулся и поцеловал в макушку.

– Красавица, – сказал он, и она тотчас почувствовала себя в безопасности.

Зак наполнял корзину дровами, а Лайла сидела на бревне и курила. Дров подходящего размера осталось не так много, поэтому Зак решил наколоть еще. Он снял куртку, взял топор и широко улыбнулся Лайле, которая фотографировала его на телефон.

– Ну, ты даешь, малыш. Настоящий Том из Финляндии[10 - Финский художник-рисовальщик, прославившийся созданием гротескных гомоэротичных рисунков.].

– Что еще за Том?

Она лишь улыбнулась ему и покачала головой.

Через пару минут он прервал работу и отер пот со лба тыльной стороной перчатки. Заслоняя глаза от солнечного света, посмотрел вниз, на дом и на долину.

– Здорово, правда?

– М-м-м, – пробормотала она, глядя скорее на него, чем на открывающийся вид.

– Посмотри, Лайла! Это невероятно. Все это пространство. Этот чистый воздух! – Лайла сделала длинную затяжку. Зак поднял взгляд к небу. – Ты безнадежна. Должен сказать, я согласен с Эндрю, – сказал он, снова взяв топор и готовясь помахать им еще. – Джен сумасшедшая, что хочет продать этот дом.

– Я бы не хотела жить здесь совершенно одна, – сказала Лайла, чуть поевшая. – Во всяком случае, зимой. Хотя летом здесь по-другому. Летом здесь было чудесно.

– А, легендарное лето... какого там? Девяносто восьмого?

– Девяносто пятого. Ты еще ходил в школу, – заметила она, выгнув бровь. – Бегал в коротких штанишках.

– А ты была с Эндрю.

– Да.

– Он кажется симпатичным парнем, но я что-то плохо представляю вас вместе.

– Он был другим тогда. Совсем другим.

– В каком смысле?

– Более... мужественным. Он был в большей степени альфа-самцом.

– Эндрю? Эндрю в уютном свитере? Он никогда не был альфа-самцом.

Лайла засмеялась, пробежалась пальцами по волосам, отбросила окурок.

– Да нет, был. Когда мы учились в университете, Эндрю был «золотым мальчиком». Он был ярким, умным и первым во всем на свете: капитан команды регби, редактор университетской газеты – вся эта фигня. Он был дружелюбным и общительным, и все его любили. Если бы мы были в американской средней школе, он считался бы тем, кому успех обеспечен, тем, кто потом, вероятнее всего, удачно женится, станет богатым и всю жизнь будет купаться в счастье. – Она закурила другую сигарету и подняла взгляд на Зака, который выжидательно смотрел на нее, ожидая продолжения. Она пожала плечами. – Все обернулось для него не так здорово. То не его вина, были некоторые... обстоятельства.

– Какие обстоятельства?

– Это долгая история.

Зак снова принялся колоть дрова; как всегда, он не стал настаивать. И это Лайлу устраивало. Она была не из тех, кто анализирует прошлое, она всегда считала менее болезненным не ворошить его, забыть. Она знала, что это малодушие. Это был ее способ не смотреть в лицо невзгодам, ее способ уклоняться от ответственности. Она полагала, что большинство людей в каком-то смысле так и поступают: Джен сбежала, Дэн придумывал сценарии и переписывал историю.

Впрочем, Эндрю был другим. Лайлу до сих пор, спустя столько лет, поражало, что не было такого момента, когда бы Эндрю пытался спрятаться от случившегося. Если бы за рулем была она, черта с два смогла бы она пойти на похороны. Но Эндрю и в голову не пришло не ходить. Лайла в ужасе предвкушала скандал – ее преследовали мелодраматические видения, как мать Конора набрасывается на Эндрю, называет его убийцей. Эндрю сказал, что, если его попросят удалиться, он повинется. Но, конечно, никто не просил его удалиться. Когда они приехали в церковь, мать Конора стояла у входа и поприветствовала их как друзей. Поцеловала их и сказала, как сильно ее сын любил их обоих. Она попросила их сесть рядом с ней в первом ряду. Лайла помнила, как шла по проходу между рядами, держа Эндрю за руку, чувствуя себя глупой и пьяной (потому что уже приняла с утра в ванной), и задавалась вопросом, пройдут ли они когда-нибудь тот же самый путь в обратную сторону, когда она будет не в черном, а в белом. Она помнила, как искала взглядом Натали, а потом до нее дошло, что Натали здесь не будет, потому что она лежит на больничной койке без сознания, возможно, навсегда покалеченная, возможно, с поврежденным мозгом. Потом на полпути она споткнулась, и Эндрю подхватил ее под руку. Она повернулась к нему, но он не смотрел на нее, его взгляд был устремлен прямо вперед. Он сказал ей, чтобы не надевала такие высокие каблуки, потому что они непрактичны.

Зак снова сделал перерыв и сейчас смотрел на подругу с легкой улыбкой на губах.

– Ты что?

– Ничего. Просто ты очень хорошенькая сегодня, когда сидишь на своем бревне, погруженная в раздумья. – Она засмеялась и покачала головой. – Я думаю, он тронутый, – заключил Зак.

– Кто тронутый?

– Эндрю. Если оставил тебя ради Натали. То есть, я понимаю, она хорошая девчонка и все такое, но нервная, на мой вкус, красивые глаза, это я признаю, но... по сравнению с тобой... Абсолютно тронутый.

Лайла поднялась на ноги, подошла к нему и поцеловала в губы.

– Ты очень хороший, мой дорогой, но ты не знаешь и половины.

– Что ты имеешь в виду?

Она отвернулась от него, посмотрела вниз, на дом, симпатичный, как с открытки, укрытый снегом, как одеялом, с вьющимся из труб дымом.

– Все гораздо сложнее, чем ты думаешь. Так всегда бывает. Да, я была больно задета, очень даже задета всем, что произошло, но, оглядываясь назад, умудренная жизненным опытом, который дали мне эти годы, я могу понять, почему он в нее влюбился.

Зак покачал головой.

– Не понимаю, как ты можешь так говорить.

– Меня было трудно любить, Зак. Порой меня было очень трудно любить.

Он опустил топор и взял ее за руку.

– Это невозможно.

Лайла громко рассмеялась.

– Ты сам знаешь, что говоришь чепуху!

– Нет, – сердито возразил он, – тебя легко любить.

– О, милый, – промурлыкала она, – ты такой чудный. – Она улыбнулась ему застенчивой улыбкой, глядя из-под опущенных ресниц, и увидела, что от этого он буквально тает.

Они зашагали обратно вниз по холму, каждый неся по корзине дров. Проходя мимо амбара, они заметили в окне Дэна, сидящего на полу со скрещенными ногами и закрытыми глазами. Похоже, он занимался каким-то йоговским дыханием.

– О-о-о, – протянул Зак, и Лайла захихикала.

В доме Джен включила музыку, что-то непринужденное и нежное. Сама она оживленно разговаривала с Эндрю: они смеялись, она наблюдала, как он протянул руку и положил ей на живот. Раньше он называл себя ее старшим братом. Видя, как они сейчас общаются, Лайла почувствовала и счастье, и обделенность; а также чувство вины. Музыка кончилась, потом заиграла новая песня, «Can't Be Sure». Тотчас же Лайла перенеслась назад во времени и пространстве и оказалась в кемпинге в Сен-Мало, на слякотном поле на склоне холма; она сидела в палатке, потому что шел дождь, и пила вино из пластиковой бутылки, слушая группу «The Sundays».

Накануне Нат была отвергнута неким немногословным северянином с плохими волосами и еще худшей осанкой, и Лайла убедила ее немедленно уехать из колледжа в поисках «очистительного приключения». Они взяли у Джен машину и сквозь ночь двинулись к югу. Рано утром они достигли Дувра и наконец к обеду прибыли в дождливую, неприглядную северную Францию, где не вырисовывалось никаких приключений и было нечего делать, кроме как напиваться и слушать «The Sundays», и вот этим они и занимались два дня напролет. «Ты знал, что желание страшное чувство?» – пели «The Sundays». Натали, которая сейчас мыла посуду в кухне, бросила на нее взгляд, и Лайла улыбнулась. Натали отвернулась.

15 апреля 1999 г.

Электронное письмо Лайлы Натали

Дорогая Натали!

Нет, я точно не собираюсь приходить на твою свадьбу. Ты что, правда думала, что я могу прийти?

Лайла

Глава десятая

Они остались. Ему удалось ее убедить. Или ее, так или иначе, убедил снег, или младенец, или просто тот факт, что уехать сейчас было бы неловко. Эндрю отнес их чемодан обратно наверх, и они распаковались.

– Что сказали девочки? – спросил ее Эндрю. – Они хорошо проводят время?

– Кажется, да, – ответила Натали. Она стояла к нему спиной, заново складывая его трусы-боксеры и аккуратно убирая их в верхний ящик дубового комода.

– Ты говорила с обеими?

– Угу.

– Грейс занималась на скрипке?

– Говорит, да.

– Хорошо. – Он подождал, пока она снова повернется к нему лицом. По тому, как она стояла, по положению плеч он видел, что она испытывает боль. Эндрю поставил пустой чемодан на пол, приблизился к ней и ласково положил руку ей между лопатками. – Как ты себя чувствуешь?

– Все в порядке, – сказала она, но он понял по голосу, немного высоковатому, что она борется с болью. Он забрал оставшиеся вещи у нее из рук и убрал в ящик, потом отвел ее обратно к кровати. Она молчаливо и безропотно подчинилась.

Она легла к нему спиной, и он, сбросив туфли, лег сзади, положив руку ей на поясницу. Натали любила тепло его руки, кажется, оно снимало напряжение.

– Хорошо бы, – тихо сказала она через несколько минут, – хорошо бы мы могли просто забыть обо всем этом. Хорошо бы ты мог забыть обо всем этом.

– Я знаю. – Но он не мог поддаться на ее увещевания, ни в какую не поддавался.

– Это как яд.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не знаю... – Голос ее слегка надломился.

– Дать тебе таблетки?

– Пожалуйста. – Голос у нее был тоненький, он застревал где-то в глубине горла.

Эндрю пошел в ванную, порылся в ее косметичке в поисках обезболивающих – тех, что посильнее. Осталось шесть таблеток из двенадцати. В серебристой блистерной упаковке, на обороте которой было написано предупреждение насчет привыкания. Кто-то мог бы подсесть, но только не Нат, она была сильной. Она пила их нечасто, но сегодня был плохой день. Вчера ей пришлось перетерпеть самолет, поездку на машине, нервное напряжение. Завтра станет лучше. Он налил стакан воды и отнес ей. Она приподнялась на локте и быстро проглотила две таблетки одну за другой, откидывая голову при глотании. Глаза ее при этом были закрыты, и белела обнаженная шея.

Потом она опять легла и протянула руку за спину – это был сигнал ему к ней присоединиться. Он устроился позади нее, просунул руку под кофточку и стал нежно массировать ей поясницу.

– У нас хорошая жизнь, – тихо сказала она. – У нас есть семья, и работа, и любовь друг друга. Я не хочу всего этого... прошлого... не хочу, чтобы оно отравляло наше благополучие. Вот что я имею в виду. Там слишком много печали, и слишком много боли, и слишком много обвинений. Мы с тобой пошли дальше, оставили это позади, построили свою жизнь. Это не наша вина, не твоя вина, что

у других не получилось.

– Нат...

– Нет. Дай мне сказать. Джен и Лайла навсегда останутся женщинами, которым ты причинил боль. Ты по-другому их и не рассматриваешь. Но... – Она осторожно повернулась к нему лицом, и он увидел, как на этом лице тенью мелькнула боль. – Ты уже заплатил сполна, сто, двести, триста раз, за то, что ты совершил. Только ты этого не видишь. По отношению к ним ты всегда будешь виноватым. Ты по-прежнему хочешь, чтобы они тебя простили. Я не хочу, чтобы ты провел всю оставшуюся жизнь, прося прощения. Ты этого не заслуживаешь. – Она закрыла глаза, и он легонько поцеловал ее в губы. Он старался придумать ответ, но она еще не закончила. Все так же с закрытыми глазами она сказала:

– Я хочу, чтобы наша жизнь была посвящена нам, посвящена настоящему. – Она чуть запнулась. – Я не хочу жить с призраками.

Он обнял ее и притянул ближе к себе.

– Я знаю, любимая.

Ему никогда толком не удавалось объяснить ей, что ему хочется жить с призраками. Это был его способ принятия того, что случилось, его путь к искуплению. И тут не было никакого самотерзания, как всегда думала Натали. Это был его способ справляться со случившимся. Его способ жить с этим.

Поначалу он не думал, что у него это получится. Он дал себе неделю. Проживем эту неделю и затем посмотрим. В день похорон, через шесть дней после аварии, он встал рано. Они с Лайлой остановились в неопрятной гостинице типа «постель и завтрак» в центре Корка, номер был тесным и слишком жарким, без кондиционера. Когда они открывали окна, звуки с улицы не давали спать. Лайла все-таки уснула. У нее были какие-то таблетки, которые она взяла у матери.

Эндрю взял у нее сигарету, склонился над перилами балкона, смотрел на раскинувшуюся двумя этажами ниже улицу и курил. Солнце светило раздражающе ярко, было уже тепло, несмотря на семь часов утра, и было шумно: звяканье бутылок, глухой стук пивных банок, швыряемых на улицу. Сигарета вызвала тошноту, он притрагивался к ним, только будучи пьяным, а в

то утро он был ужасающе трезв. Все ощущения были обострены, он чувствовал неприятное щекотание никотина во рту, прилипшую к вспотевшей пояснице футболку, дыхание Лайлы за спиной, вздымавшийся из глубины желудка ужас, подступавший к груди, а потом к горлу. Он думал о Джен, которую не видел пять дней, с того самого утра после аварии, когда они встретились в больнице. Думал о Натали, до сих пор не пришедшей в сознание. Думал о Мэгги, матери Конора. Даже на мгновение подумалось, что при минимуме усилий он может броситься вниз, через перила, и все будет кончено.

Позже, когда он пытался дрожащими руками завязать шнурки на ботинках, до него дошло, что после этой недели будет другая. А потом еще одна. И ему придется найти способ справляться со всеми этими днями и неделями, потому что в глубине души он знал, что не будет бросаться ни через какие перила, ни сегодня, ни в другой день. Лайла вышла из ванной комнаты, встала на колени у его ног и поцеловала его. Он уловил запах алкоголя в ее дыхании. Было без четверти девять.

– Ты уверен, что надо? – спросила она.

Он не был уверен, он испытывал ужас, но все равно пошел. Он тогда не полностью все постиг, это случится позже и не без посторонней помощи. Но тот день был отправной точкой. Поскольку он никогда не мог от этого освободиться, ему пришлось жить с этим. И, как бы странно это ни звучало, он теперь уживался с призраком Конора если и не комфортно, то по крайней мере мирно.

Глаза Нат были закрыты: таблетки сделали ее сонной, он подумал, что ей удалось задремать, но когда попытался отодвинуться, она обвила его рукой. Он притянул ее ближе, зашептал ей в волосы:

– То, что было с нами шестерыми, не ограничивается лишь печалью, болью и обвинениями, ты же знаешь. Помнишь? Помнишь, какими мы были когда-то?

Четверг, 21 ноября 1996 г.

Дражайший Эндрю!

Надеюсь, это письмо застанет тебя в добром здравии. Я только что закончила писать другое письмо, которое в качестве твоей характеристики будет отправлено судье, занимающемуся рассмотрением дела. Поскольку я хочу, в меру своих сил, облегчить твое страдание, я решила рассказать тебе, что я написала.

Судье, конечно, и без меня станет известно, что ты есть и всегда был честным, законопослушным, трудолюбивым молодым человеком. Об этом мне не требовалось говорить. Не сомневаюсь, что он знает все о твоих учебных и других достижениях, о тех достижениях, которые можно измерить оценками и вознаградить призами. Есть, однако, вещи, которые не так легко выразить количественно.

Поэтому я написала о твоей доброте. Что ты был верным другом моему сыну, человеком, к которому он относился с уважением и восхищением, человеком, на которого мог положиться. Я рассказала, что из всех друзей Конора я бы охарактеризовала тебя не только как самого доброго, но и как самого ответственного. Я абсолютно точно знаю, что в тот день ты совершил ужасную ошибку, но знаю также, что не ты один в ней виноват.

Возможно, тебе трудно это представить, но я тоже была когда-то молодой. Я смутно припоминаю, каково это – быть на пороге взрослой жизни, те несколько лет, когда мир простирается перед тобой и ты чувствуешь себя совершенно непобедимым. Да, конечно, это иллюзия, но мало найдется среди нас таких (включая, полагаю, и судью), кто не чувствовал этого, кто, бросая взгляд назад, не обнаруживает в своей памяти, что когда-то шел на глупые риски и смеялся потом над собственной дерзостью. Для большинства из нас, для огромного большинства, эти риски не обошлись дорого или, во всяком случае, настолько дорого. Тебе не повезло, как и моему сыну.

Самое важное, однако, как я написала в своем письме, это то, что меньше всего, меньше всего на свете мой сын хотел бы увидеть тебя наказанным сильнее, чем ты уже наказан. Сознание, что ты отправишься в тюрьму, было бы невыносимым для него, так же как и для меня.

Вот, Эндрю, что я написала, для того чтобы мое письмо было представлено в качестве свидетельских показаний в суде. И это же я хочу сказать тебе. То, что ты совершил, могло бы тебя уничтожить. Могло разрушить твою жизнь. Оно забрало у тебя лучшего друга, поломало твою карьеру. Как я представляю, оно

лишило тебя и многого другого.

Ты мог бы позволить этому тебя сломать. Я надеюсь, ты этого не сделаешь. Ты мог бы позволить этому навсегда поставить на тебе клеймо, и я совершенно уверена, что это было бы скверно. Я знаю, прозвучит банально, если я скажу тебе: сделай так, чтобы из этого вышло что-то хорошее, – но именно этого я тебе желаю. Не убегай от этого, не прячься. Пусть оно останется с тобой. Пусть оно станет частью тебя.

Проживи хорошую жизнь, что бы ты ни вкладывал в это понятие. Найди себе кого-то, чтобы любить, кого-то, кто будет любить тебя. Не знаю, будет ли это та высокая блондинка, с которой ты встречаешься сейчас, или кто-то еще. Пусть это будет кто-то, кто тебя ценит.

Не борись с тем, что произошло. Пусть оно определяет твою жизнь, только не позволяй ему поглощать тебя. Безусловно, здесь тонкая грань. Я надеюсь, что ты сможешь ее найти.

Знаю, что на тебе лежит вина, с которой тебе придется уживаться, поэтому послушай меня: обо мне не беспокойся. У меня есть Ронан и чудесная невестка Клара, и скоро еще родится ребенок – я стану бабушкой и не могу тебе передать, как я этим взволнована. Я выживу. И ты тоже. Конор не хотел бы от нас ничего другого.

Удачи тебе.

С любовью,

Мэгги

Глава одиннадцатая

Эндрю сидел на краю кровати и писал эсэмэски. Натали закрыла за собой дверь ванной и пустила воду. Она уже принимала душ этим утром, но порой горячая ванна была единственным, что приводило ее в чувство. Эндрю болтал с

девочками, ему это прекрасно удавалось таким способом. Нат не выносила текстовые общения, все эти сокращения и смайлики. Она любила говорить полными предложениями, правильно писать слова и расставлять все знаки препинания, даже когда общалась по электронной почте. Такие вещи были для нее важны.

Эндрю лучше удавалось осваивать новшества, отчего, похоже, предпочтения Грейс и Шарлотты за последнюю пару лет сместились с матери на отца. Натали старалась не обижаться. В самом деле, это было неизбежно; из них двоих Эндрю всегда был круче. Натали была слишком эмоциональной. Всегда была такой. Эндрю говорил, что это и есть самое крутое ее качество. Он, однако, нашел способ с легкой иронией переходить на один уровень с детьми, не вызывая у них побуждения нетерпеливо и скучающе закатывать глаза, а именно с этим сталкивалась Натали, когда пыталась общаться с ними на равных.

Она осторожно погрузилась в ванну. Это было одним из величайших ее удовольствий. Она любила залезать в ванну, когда там было совсем мало воды, лежать, распластавшись, чувствовать, как тепло постепенно поднимается и окружает ее. Она откинула назад голову, так что уши оказались под водой и звук дыхания усилился. Помимо этого были и другие звуки, которые невозможно было точно распознать: люди ходили по дому, поднимались и спускались по лестнице, какие-то другие шумы, более глубокие, где-то дальше, голос, низкий и монотонный. Она плеснула воды на грудь и живот, чуть выгнула бедра, ощущая, как напряжение уходит из ее тела в воду. Она чувствовала легкий кайф от таблеток – они давали крохотный намек на возбуждение, высушивали горло, вызывали желание закурить.

За шестнадцать лет она не выкурила ни одной сигареты; бросила в больнице. На самом деле у нее не было особого выбора. Десять дней она пролежала в коме; еще сорок один была прикована к постели. Нет худа без добра, – сказала ее мать, узнав, что Натали бросила курить. Ее мать любила выискивать хорошие стороны. Как-то раз, то ли в день рождения, то ли в Рождество, словом, на какой-то пьянке, она объявила гостям, что ее Натали попала в ужасную аварию, но в этом есть и хорошая сторона: она обрела Эндрю.

Когда гости ушли, Натали назвала мать жестокой и недалекой, и они несколько дней не разговаривали. Высказывание действительно было нелепым. Что, в конце концов, мать могла знать об этом? Ее там не было. Она не видела, как Эндрю начал смотреть на нее в то лето во Французском доме и потом тоже.

Иногда Натали замечала это краем глаза, когда они возвращались из кино или вместе обедали в пабе, замечала, как он наблюдает за ней. Мать Натали не была свидетелем тех разговоров, которые они вели поздно ночью, и ночь за ночью, пока Лайла где-нибудь напивалась, съезжая с катушек, когда Эндрю понятия не имел, что с ней делать.

Ее мать об этом не знала. Но если она не знала, если была такой недалекой, тогда почему Натали это так раздражало? Почему так сильно ранило? В самой тайной глубине своего существа она знала почему, хотя не позволяла этой мысли обрести форму, протолкнуться наружу. Она знала, что даже если она сама не верит в это, другие верят. Лайла определенно верит. Джен, возможно, тоже, но тут она не была уверена.

Нат снова скользнула под воду, закрыла глаза и еще раз прислушалась к приглушенному рокоту звуков в доме. Ей показалось, что она слышит разговор, шумы из кухни, звяканье друг о друга кастрюль и сковородок, глухую, низкую музыку, рваный смех Лайлы. Неуравновешенный, истерический смех, смех, который заставляет всех в комнате оглядываться.

В первый раз Натали увидела Лайлу на вечеринке, довольно официальном мероприятии в начале их первого университетского курса. Это было что-то вроде встречи-знакомства с деканом, где все в парадной одежде вежливо болтают с профессорами. Лайла, в кожаных брюках, сидела в углу, курила и шептала что-то на ухо какому-то парню. И то и дело звучал этот смех. Натали решила, что эта девушка нелепа. Нелепа, пугающая, невозможно красива.

Ну и красива же она была, все поворачивали головы. Было невозможно пойти с ней куда-нибудь в девичьей компании, потому что уже через несколько минут кто-нибудь начинал за ней увиваться. И тогда это давалось ей без усилий, в ней не было и намека на ту женщину, какой стала теперь. Она была сияющей, спортивной. Не то что теперь – довольно странное, тощее как жердь существо, со слишком смуглой кожей и слишком светлым оттенком волос. Довольно печально, подумала Натали. Она задумчиво оглядела свой мягкий белый живот, свои тяжелые груди. Ладно, не все так печально.

По-настоящему Натали познакомилась с Лайлой лишь по прошествии недель, может быть, даже месяцев после той официальной встречи. Это было на матче по регби. Ее пригласил посмотреть игру один красивый ирландец, сосед по общежитию, некий Конор Шеридан, которым Натали даже коротко увлеклась,

пока не увидела его с девушкой, которая выглядела так, словно сошла с картины Ренуара: фарфоровая кожа и волосы цвета воронова крыла. Натали не слишком увлекалась спортом, но стремилась получить всеобъемлющий университетский опыт и очень хотела познакомиться с какими-нибудь многообещающими мальчиками; те, что были на ее курсе, оказались недостаточно вдохновляющими.

Они трое сидели на краю трибуны: по одну сторону от Конора сидела его девушка, по другую – Лайла. На Лайле были джинсы и сапоги до колена на танкетке, она сидела, упершись локтями в колени, грызла ноготь и не следила за игрой. Заметив Натали, Конор улыбнулся и помахал ей, приглашая присоединиться. Его девушка тоже улыбнулась. Лайла просто посмотрела на нее пустым взглядом.

Рядом с ними не было свободных мест, поэтому Натали пришлось сесть перед ними, у их ног. То и дело Конор и его девушка, которую звали Джен, вскакивали на ноги и издавали ободряющие возгласы. Затем Конор садился обратно, наклонялся вперед и объяснял Натали, что происходит на поле, Джен наклонялась вперед и предлагала ей лимонные леденцы, но сильнее всего на нее действовала нога Лайлы, постоянно подталкивавшая ее сбоку. Это раздражало. В какой-то момент во втором тайме терпение Натали лопнуло. Она обернулась и сказала:

– Извините, не могли бы вы перестать это делать? Меня это бесит.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Сорт виски. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Дюйм – мера длины, равная 2,54 см.

3

Роман американского писателя Дэвида Фостера Уоллеса.

4

Роман английской писательницы Хелен Филдинг.

5

Примерно 42-й российский размер.

6

Фут – мера длины, равная 30,5 см.

7

Персонаж телесериала «Секс в большом городе».

8

Фунт – единица массы, равная 0,454 кг.

9

Философская работа К. Маркса и Ф. Энгельса.

10

Финский художник-рисовальщик, прославившийся созданием гротескных гомоэротичных рисунков.

Купить: <https://tellnovel.com/pola-hokins/vossoedinenie>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)